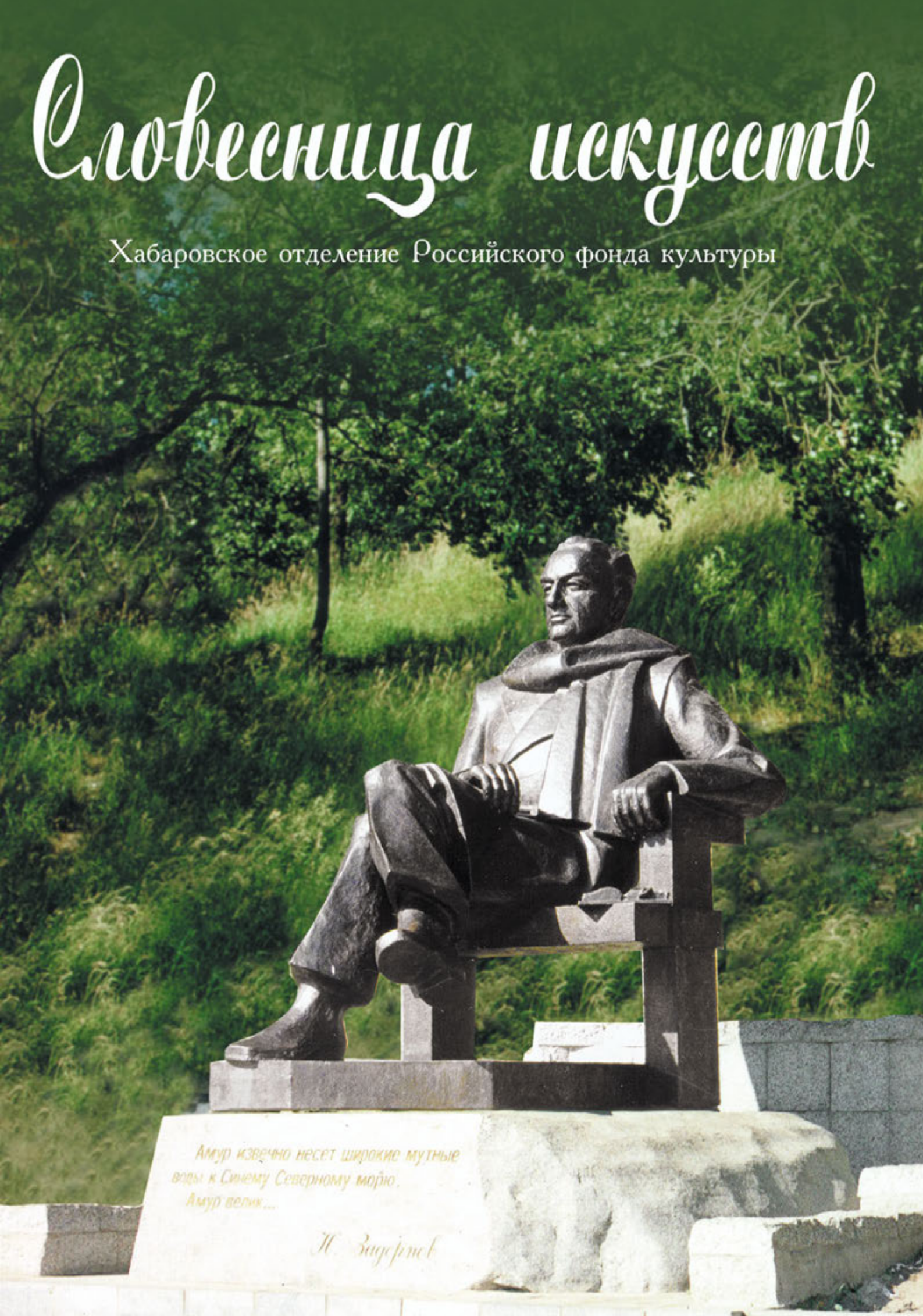
Словесница искусств

Хабаровское отделение Российского фонда культуры



Словесница искусств

№ 3 (3) 1999

Вестник Хабаровского отделения
Российского фонда культуры

Главный редактор — ВадимБЕЛОБОРОДОВ

Редактор — Елена ГЛЕБОВА

Художественно-технический редактор — Галина ПЕРШИНА

Выпускающий редактор — Татьяна ЛЮБЧИК

Компьютерный набор — Вера КОЛЯГИНА

Общественный совет

М. Ф. АСЛАМОВ
А. Н. БО ЧАРНИКО В
Л. Ф. ВАСИЛЬЕВА
Ю. И. ДУНСКИЙ
Л. Г. КОЗЛОВА
Л. В. САЛЕЕВА
В. П. СЫСОЕВ
С. Ю. ЧЕРЕПАНОВА
А. В. ШАВГАРОВА
Ю. А. ШЕСТАКОВА

"Словесница искусств", 1999
Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 17.
Телефоны: (4212) 32-73-85, 32-73-42.
E-mail: vvb@fk.khv.ru
Тираж 999 экз.

Цветоделение и печать — типография УПП ВОС.
Хабаровск, ул. Комсомольская, 43. Тел. 23-77-95.

**Хабаровское отделение
Российского фонда культуры благодарит
Михаила Николаевича Задорнова
за финансовую поддержку издания третьего номера
"Словесницы искусств".**

На обложке:
памятник писателю Николаю Павловичу Задорнову.
(О скульпторе В. Бабурове читайте на 4-й стр. обложки).

СОДЕРЖАНИЕ

Хроника одного события
Елена Глебова
ВОПЛОЩЕННЫЙ В БРОНЗЕ...
Стр. 2

Негромкие слова
Юлия Шестакова
ЗНАК ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ
Стр. 4

Всеволод Сысоев
ЖИЗНЬ В ГЛАЗАХ
НИКОЛАЯ ЗАДОРНОВА ВСЕГДА ЛИКОВАЛА
Стр. 7

Портрет художника
Евгений Короленко
КРАСКИ СВЕРКАЛИ, КАК СГУСТКИ
ПЛАНЕТНЫХ ЛУЧЕЙ...
Стр. 8

Линия жизни
Ольга Иванова
"ОТ ВАС БЕРУ ВОСПОМИНАНЬЕ,
А СЕРДЦЕ ОСТАВЛЯЮ ВАМ"
Стр. 10

Былое
Лидия Вараксина
ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХАРБИНЕ
Стр. 12

Память
Анна Шавгарова
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ОТКРЫВАЛ ГОРИЗОНТЫ
Стр. 14

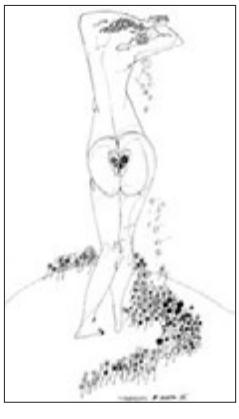
Театр
Наталья Ангарская
ХАБАРОВСКОМУ ТЮЗу — 55
Стр. 16

Человек, который рядом
Елена Глебова
“СУДЬБА ВЕЛА МЕНЯ В МОЮ МЕЧТУ...”
Стр. 17

Память
Елена Солнцева
ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК ТЮЗа
Стр. 18

Секреты мастера
Александр Лепетухин
ЕВГЕНИЙ ФЕНТИСОВ – КОМПОЗИТОР ЦВЕТА
Стр. 20

Гость Арт-подвальчика
Дмитрий Васильев
О ПОЛОТНАХ ЛЬВА СКОБЕЛИНА
Стр. 23



Портрет художника
Ольга Привалова
ЗЁРНА-ГЛАЗА НА ЛИСТЕ ОТКРОВЕНИЯ ИГОРЯ ГРАБОВСКОГО
Стр. 24

Стипендиаты фонда культуры
Мария Карпова
“ЗЕЛЕНЕЕТ МОЙ РОДСТВЕННИК ДАЛЬНИЙ...”
Стр. 26

Музейные редкости
Татьяна Мельникова,
“ХОЧЕШЬ, Я ВЫУЧУСЬ ШИТЬ...”
Стр. 27

Искусство Востока
Татьяна Мельникова
ИЗ БУРЯТИИ С ЛЮБОВЬЮ
Стр. 28

Исследования
Владимир Василиненко
НЕИЗВЕСТНЫЙ АРСЕНЬЕВ
Стр. 30

Вспомним имя
Владимир Зыков
ЧЕЛОВЕК
Рассказ
Стр. 34

Искра божья
Александр Лепетухин
ВСТРЕЧИ С ДЖУНЕМ
Стр. 36

Здесь причаливают прогулочные катера и отправляются в путь пассажирские теплоходы, здесь волны лениво облизывают берег и уносятся куда-то далеко-далеко, а бархат сопок растворяется в синеве. Человек, сидящий на скамье, задумчив. Он наблюдает за тем, как несет свои воды великая река, ставшая символом его жизни и творчества. Памятник Николаю Павловичу Задорнову, торжественное открытие которого совпало с празднованием Дня города, стал не просто украшением Хабаровска, или, как сейчас говорят, его "визитной карточкой". Теперь он его неотъемлемая часть.

ВОПЛОЩЕННЫЙ В БРОНЗЕ,

он наблюдает за тем, как несет свои воды Амур

Елена ГЛЕБОВА, журналист

А началось все с идеи Всеволода Петровича Сысоева, который был дружен с Задорновым и не раз водил его трудными таежными тропами. Ещё в 1996 году Всеволод Сысоев обратился с предложением воздвигнуть памятник замечательному дальневосточному писателю в оргкомитет при администрации Хабаровского края. Идея понравилась, потом её поддержал сын писателя Михаил Задорнов, и завертелось колесо событий. В объявленном открытом конкурсе на проект памятника приняли участие многие скульпторы и архитекторы, представив на суд жюри девять проектов. Причем условия конкурса позволили попробовать свои силы не только маститым авторам, но и начинающим. В итоге первую премию с правом дальнейшей разработки проекта присвоили хабаровскому скульптору, члену Союза художников России В. Бабурову. Вторая премия досталась авторскому коллективу (скульптор Э. Маловинский, архитекторы А. Матвеев, Н. Руденко, В. Носырев), третья премия — авторскому коллективу (скульптор Ю. Кукуев, архитектор В. Васильев).

Это, наверное, счастливое совпадение. Проект Владимира Бабурова больше всего понравился и строгой комиссии, и семье Задорнова. Людмила Николаевна Задорнова, дочь писателя, рассказывала, что вместе с матерью Еленой Мельхиоровной и братом Михаилом Задорновым внимательно изучали присланные из Хабаровска фотоматериалы конкурса и сошлись во мнении — именно этот проект очень точно отразил характер Николая

Проект В. Бабурова признан лучшим.

Последние напряжённые дни.

Модель памятника.

В мастерской В. Бабуров и Ю. А. Шестакова.

Павловича, его внутренний мир. Сам же скульптор признался, что участвовал в конкурсе вовсе не из-за призового места. Ему посчастливилось в свое время встречаться с Николаем Задорновым, и встреча эта осталось ярким фрагментом, который временем не стереть.

Воздвигнуть памятник — дело непростое. Особенно сегодня, когда в нашем лексиконе преобладают слова "экономический кризис", "бедность", "нужда". И все-таки он появился на берегу Амура, в одном из живописных уголков городской набережной. Сын Николая Павловича, известный писатель Михаил Задорнов, взял на себя основное бремя расходов и при проведении конкурса, и при строительстве. Средства от концертов, гонорары от публикаций в течение двух лет поступали на счет программы "Память" Хабаровского отделения Российского фонда культуры. Свой вклад внес и Всеволод Сысоев, перечислив средства от продажи своей книги "Золотая Ригма".

На пресс-конференции, которая состоялась накануне открытия памятника, Михаил Николаевич сказал: "Промелькнуло всего два года, и уникальное явление произошло. В наше время, когда, с одной стороны, бомбежки, с другой — меняется правительство, денег ни на что нет, в городе вдруг появляется памятник. Кто-то читал отцовские книги, кто-то нет, но само по себе это явление говорит о том, как много хороших людей в этом деле участвовало". А еще Михаил Николаевич признался, что теперь Хабаровск стал ему по-настоящему близок.

Конечно, открытие памятника прославленному писателю стало событием и всего города, и всего края. Искренние слова благодарности тем, кто участвовал в этом.

Но памятник нужно беречь, он должен выглядеть достойно. Именно поэтому школьники Центрального района Хабаровска решили взять его под свою опеку.

Сегодня фигура Николая Задорнова, горделивая, величаво спокойная, встречает катера и теплоходы на Амуре-батюшке. И так будет всегда.

Фотографии из архива Хабаровского фонда культуры.

29 мая 1999 г. Этот день стал настоящим праздником для хабаровчан.

Писатели В. Зыков, Н. П. Задорнов, Ю. А. Шестакова.

ЗНАК ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ

Юлия ШЕСТАКОВА,
писательница

Запомнится эта весна... Запомнится, как в самом конце мятежного и холодного мая вдруг выдался, словно по заказу, ясный солнечный день, и стал он праздником для нас, слух об этом пошел уже далеко. В Хабаровске, на берегу Амура поставлен памятник Николаю Павловичу Задорнову — выдающемуся русскому писателю, автору многих романов о Дальнем Востоке.

Не часто такое случается с нашими современниками. Это и в самом деле праздник! И, конечно, есть повод для раздумий о времени, о творческих исканиях и писательских судьбах...

Принято считать, что Н. П. Задорнов писатель одной темы. Действительно, на протяжении всей жизни он старался сохранить верность исторической теме в своих романах. Его привлекала возможность показать переустройство жизни в больших масштабах, с размахом событий. Это присуще всем его романам, начиная с "Амур-батюшки". Тот, кто читал их, может вспомнить: "Капитан Невельской", "Далекий край", "К океану", "Война за океан", "Золотая лихорадка". А далее: "Цунами", "Сирмода", "Хэда", "Владивосток", "Владычица морей", "Ветер плодородия"...

Село Гвасюги. 1987 г.
Ю. А. Шестакова, Н. П. Задорнов, учитель Г. И. Кузьмин, съёмочная группа из Москвы и местные жители.

Свое художественное пристрастие писатель отдал безраздельно богатейшему прошлому Дальнего Востока и Сибири, изображению жизни первых переселенцев, открытиям славных русских землепроходцев и мореплавателей, укреплявших позиции России на Тихоокеанском побережье. Он из тех устойчивых патриотов, кто всю жизнь нёс и поддерживал знамя русской национальной культуры. Таким мы знали его и запомним навсегда.

Но было бы ошибкой думать, что Николай Павлович Задорнов чуждался современности как художник слова и публицист. Он отдал немалую дань журналистике. В годы войны работал специальным корреспондентом краевого комитета по радиовещанию, оставив театр. Именно в ту пору многие из нас — и Петр Комаров, и Андрей Пришвин, и Вадим Павчинский — лучше узнали его и подружились с ним. Жил он в Комсомольске-на-Амуре, но часто бывал в Хабаровске. А когда мы, выездная редакция "Тихоокеанской звезды", оказались на строительстве "Амурстали", Задорнов помогал выпускать газету. Очерковые наши зарисовки, статьи, заметки тех лет давно утратили

свое назначение, но обстоятельный очерк Н. Задорнова о Валентине Деменининой из города Ливны, приехавшей строить Комсомольск, помнится до сих пор.

Всю войну Задорнов был здесь, с нами, работал как журналист, не уходя однако же от главных забот романиста, исследователя. В те годы создавался роман "Амур-батюшка", писать его было нелегко: Николай Павлович то откладывал свою рукопись, то снова брался за нее. Грандиозный замысел его, как художника, многим из нас открылся лишь спустя годы, когда стали появляться на книжных полках его исторические романы один за другим...

Как то раз, спустя уже много лет, я обратилась к нему с просьбой: не сможет ли он написать хотя бы страничку о том, что ему особенно запало в душу из тех фронтовых лет, которые мы пережили? Не вспомнит ли он какой-нибудь эпизод? А может, расскажет об одной из своих поездок по краю (пусть, кратко!) — он ведь часто бывал в командировках. На мою просьбу Николай Павлович откликнулся довольно быстро. И вот передо мной его письмо. Из множества разнообразных впечатлений он выделил одно, связанное с неожиданным для него поручением.

"...Осенью сорок первого года меня, как разъездного корреспондента, — писал Задорнов — вызвали в Хабаровск. Председателем краевого радиокомитета была тогда Валентина Васильевна Павлова — деловая, энергичная женщина. Она попросила меня написать очерк о стрелочнике. И побыстрее! Да, да, о стрелочнике железнодорожных путей. Такое я получил задание. И поехал на одну из станций восточного направления. Человек, о котором мне предстояло написать, осматривал путь на своём участке. Надо было увидеть его там.

Вместе с начальником политотдела отделения дороги мы прибыли на место. И вот идём по шпалам. Была уже глубокая осень. Вечерело. Сопки с обеих сторон полотна заметно погружались в темноту. Справа от нас — Уссури, за ней — японцы. Вот она, граница... В те годы, перед войной, пограничники зорко смотрели на восток, готовясь отразить любую провокацию.

Идём вдоль линии железной дороги, а мимо нас через короткие промежутки времени с грохотом проносятся воинские эшелоны. Едут солдаты, моряки... Мелькают пушки. На запад! Из полуоткрытых теплушек то песня вырвется, а то всплеск гармошки долетит до слуха.

Нетрудно было догадаться: дальневосточники ехали защищать Москву. Великая опасность грозила ей тогда. Но эшелоны с востока шли один за другим. А там, от Байкала-то и дальше — еще сибиряки ехали! Я понял, что германцы впервые за вою историю своих побед испытают удар, который их разобьет! Обязательно! И от этих мыслей, и от грохота проходящих эшелонов, и от того, что рядом была граница, я почувствовал необычайно сильно свою ответственность в тот момент.

Меня словно пронзила тревога за этих ребят, едущих на фронт, в пекло войны, и гордость за них.

Вдруг во тьме послышалось характерное постукивание молотка о рельсы. Впереди появился огонек и, качаясь, поплыл к нам навстречу. Это шел стрелочник. Он уже заметил нас, остановился и почему-то сразу поднял фонарь в мою сторону. Теперь-то мне ясно, почему. Я был молод, в очках и не в форме, а в гражданском костюме. Мало ли кто мог оказаться на путях?

Но тут раздался успокоительный голос моего спутника, стрелочник перевел фонарь на него, узнал свое начальство и заговорил с ним. Позднее я припоминал, что получил это задание от Валентины Павловой у нее в кабинете. Мы разговаривали с ней тогда один на один, тем не менее она не объяснила мне, что происходит в эти дни на железной дороге и как важен труд стрелочника!..

Очерк, конечно, был написан, но дело не только в нем... Я многое понял той ночью на полотне дороги. Валентина Васильевна — старая большевичка, с её острой наблюдательностью и вдумчивым подходом к каждому из нас, выбрала меня, чтобы я — молодой литератор, почувствовал всю торжественную и могущественную силу происходивших тогда событий..."

Да, к стуку вагонных колес мы все прислушивались. И все помним...

В одном из своих очерков Петр Комаров писал: "Дальний Восток всегда был хорошей школой для русского воина. Здесь готовились резервы для фронта. Бойцы совершали длительные походы-переходы и спали на снегу, подложив под шинели еловые ветки. Суровая природа приучала их к выносливости и стойкости. Таких не проймешь ни огнем, ни морозом".

При всей своей внутренней собранности Николай Павлович был романтиком в жизни. Порой даже трудно было предположить, на что он способен ради доброго дела. Мог загореться внезапно какой-то идеей и всех удивить. Потом отстаивал свой замысел не ради того, чтобы произвести впечатление (хотя артистизм — одно из привлекательных свойств его таланта). Нет, он был человеком дела все-таки, умел держать слово, и поэтому его литературные, творческие замыслы почти всегда получали соответствующее воплощение.

Однажды мы при встрече с ним заговорили о том, что не мешало бы оживить в памяти читателей зрительный образ В. К. Арсеньева. Я сказала, что товарищи из Новосибирской киностудии научно-популярных фильмов предлагали мне написать сценарий на тему путешествий Владимира Клавдиевича. Но я была занята другой работой.

— Напрасно вы отказались! — воскликнул Задорнов. Он стал упрекать нас, дальневосточников, в сермяжной кротости, и был прав. Разговор этот постепенно улетучился из памяти. И вдруг в апреле 1983 года из Риги приходит письмо.

"...Дорогая Ю. А.

Мной подан на Центральную телестудию план документального фильма: "Тропой Арсеньева"... Съемки предполагаются в августе-сентябре этого года.

Я полагал бы снять Вас в Гвасюгах. Вы — воспитательница многих писателей, в том числе нанайцев, удэ, нивхов. Вы сами ходили по тайге тропой Арсеньева. Расскажите о Джанси. Снимитесь с Валентиной Кялундзюга. Скажите о своих книгах.

Рекомендуйте молодых, "идущих тропой" не только в тайге, но и в культуре.

Напишите свои соображения. Сценарий должен быть очень скоро закончен.

Искренне ваш Н. Задорнов".

Не сразу и не просто его заявка проходила "по кругу", пока наконец все определилось. Поздней осенью Николай Павлович Задорнов приехал в Хабаровск. Прибыл не один. С ним были москвичи, работники Центральной студии телевидения во главе с Сергеем Сатырненко.

Никто, разумеется, этого не ожидал. Задорнов позвонил мне вечером из гостиницы:

— Собирайтесь! Завтра летим в Гвасюги.

Я удивилась:

— Поздновато, Николай Павлович! Охотники ушли на промысел. Сезон начался. Кого снимать? Ребятишек из детского садика? Старушек-вышивальщиц? Да и в тайге сейчас скучно. Лес уже голый. Снежинки летят...

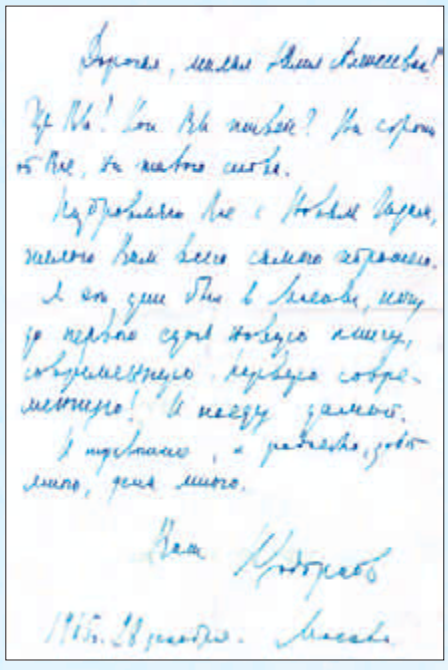
О вертолете уже договорились на 10 часов утра. Мои возражения и отказ лететь Николай Павлович не принимал в расчет:

— Боитесь вибрации? Ничего не случится. Вместе все будем вибрировать.

Утром, едва я успела выпить стакан чаю, раздался звонок. Открываю двери и вижу: все участники экспедиции передо мной. Кроме Татьяны Земсковой. Кажется, у нее была назначена встреча в крайисполкоме.

Ну, что же делать-то? Все очень быстро совершилось. Со смехом, шутками, прибаутками закончились мои быстрые сборы. Во дворе нас ожидала машина.

И вот мы в пути... Вертолет Ми-6 сделал посадку на самом видном месте в Гвасюгах. Но пока он приземлялся, отовсюду стали сбегаться жители села. В основном женщины, ребятишки. Опережая всех, бежали дворовые собаки. Чтобы облаять железное чудовище, они бросались под вертящиеся лопасти, но, отброшенные вихрем, падали, кувыркались и потом



Последняя весна Н. П. Задорнова.
Писатель с женой Еленой Мельхиоровной на даче в Саулкрасы.

снова продолжали наступление. Надо было видеть, с какой яростью они это делали. Глядя на них, мы хохотали.

Конечно, съемки в Гвасюгах пришлось вести по сокращенной программе. Не было охотников, и Валентина Кялундзюга — главная наша героиня, тоже ушла на промысел вместе с мужем. Мы вернулись в Хабаровск поздно вечером. Съемки потом продолжались по плану. Николай Павлович работал с увлечением. Он давно проникся важностью своего замысла и хотел довести его до конца.

Казалось бы, ну зачем он тратит дорогое время на телевизионный документальный фильм, тогда как читатели ждут от него новых книг, интересных романов, герои которых несут в себе целый мир...

Но по-иному смотрел он сам на свое призвание. Он ведь был человеком не равнодушным к жизни, и это сказывалось во всем.

В марте 1984 года Николай Павлович пишет мне:

"Дорогая Юлия Алексеевна!

Сегодня я должен ехать по многим делам в Москву. Фильм наш при монтаже, как и при подготовке сценария, неоднократно отодвигается. Вне очереди идут срочные — юбилейные и прочие. При этом все хвалят нас: как много прекрасных кадров снято, как это интересно и т.д. Действительно, снято на три часа, а надо сжать на 55 минут.

Кроме фильма у меня много дел и забот. Главное: изучение всего, что нужно для новой книги. Я как-то подумал: разве мои три романа, на которые затрачено десять лет (изданы они в Японии в лучшем издательстве с самыми благожелательными комментариями), не вклад в борьбу за мир? Цель, которую ставили передо мной наши дипломаты, кажется, достигнута.

Ваше письмо тронуло меня: дружественностью, слогом, прекрасным русским языком. Будем надеяться, что нам все-таки удастся выйти на телеэкран "Тропой Арсеньева".

Всего лучшего желаю Вам, дорогая Юлия Алексеевна!

Ваш Н. Задорнов. 12.03.84 г."

"3 мая, 1990 год.

Давно не писал Вам. Не хотелось вспоминать разные события. Затронешь одно, за ним потянется другое... И так без конца. Меня до некоторой степени выручает работа, как бывало всегда.

Поздравляю Вас с маем! Писал ли я Вам, что Миша был с концертами в Америке? Он плавал на пароходе по Миссисипи. Говорит, что вода такая же желтая, как в Амуре, но Миссисипи уже. Амур гораздо красивее и величественнее.

Нам, если бы не обезьянничать, то мы окрепли бы; да и сейчас не так слабы, как нас славят наши же выкормыши.

В Риге иногда продают в магазинах горбушу. Это второе важное событие.

Мне показалось, что Вам не понравилось мое письмо, где я пооткровенничал про латышских писателей. Мол, как же так, Задорнов живет среди них более сорока лет, а показывает неблагодарность, словно с них же берет пример. После длительного Вашего молчания я все так именно понял, осовестился и приутих. Но как быть, если заденут? Да не меня самого, а что-то более значительное... Ведь не удержишься. И в семьях бывают ссоры. Единая ли мы семья?

На днях мне прислал книжку своих стихов Геннадий Румянцев. В 1966 году я познакомил его и Нефедьева с двумя молодыми латышскими знаменитостями. Зиедонис теперь народный поэт. Аузинь — руководитель Союза писателей. Они всю ночь в Комсомольске читали стихи. Зиедонис сказал мне утром про Румянцева и Нефедьева, что они совершенно зрелые поэты, не хуже, чем Евтушенко и Вознесенский.

Кто-то из моих хабаровских друзей помянул мне про Вас, что хотели бы знать, как прошел мой день рождения. Первым меня поздравил американский профессор с Гавайских островов, автор многих книг о Дальнем Востоке.

За столом гостей на сорок с москвичами и дальневосточниками во всю силу ожило возбраняемое ныне чувство дружбы. Гостьей была художница Ольга Колокольцева, правнучка строителя "Хэда" моряка Александра Колокольцева. Ученые-китаисты прислали мне адрес с подписями многих знаменитостей. Один из них сам приезжал с супругой из Москвы, чему В. Федоров свидетель. Пикуль подарил свое собрание сочинений, обнял, поцеловал, но за стол не пошел.

***P.S.** Юлия Алексеевна! Я прочитал рассказы Владимира Зыкова и горжусь тем, что познакомился с ним. Это будет большой, настоящий писатель с тонким вкусом к слову. И душа у него светлая."*

И последнее, что хочется сказать. Вечная память и вечная слава незабвенному Николаю Павловичу. Свято исполнил он свой тяжкий, но прекрасный труд, отработал долг перед Отечеством, нигде и никогда не уронив его знамени. А то, что прах его покоится "в чужой стороне" у Балтийского моря, это — знак его сложной судьбы (как будто наперекор тем, кто предал идею дружбы народов). Всем своим творчеством Николай Павлович утверждал братство людей труда, независимо от их национальности. Об этом — его книги!

Фото из архива Юлии Шестаковой.

ЖИЗНЬ В ГЛАЗАХ
Николая Задорнова всегда ликовала

Всеволод СЫСОЕВ, писатель

Успех произведений Николая Павловича Задорнова заключается в том, что в своих романах он талантливо сочетал усидчивую, кропотливую работу в архивах с пристальной наблюдательностью путешественника. Вот почему у Задорнова история разворачивается на фоне натуральной манящей природы.

Его всегда отличала высокая интеллигентность во всем: во внешности, жестах, манере говорить, в оценках людей и событий. Он был необычайно любопытным и любознательным, его все интересовало. Жизнь малых народов, местных писателей, художников, особенности природы нашего края. Он изучал природу не по расспросам старожилов и местной литературе, а стремился все увидеть сам, побывать в отдаленных глухих уголках края. Первая фраза, с которой он обращался ко мне, приезжая из Риги, была неизменной: "Давайте сходим в вашу самую отдаленную охотничью избушку!" Или: "А не съездить ли нам с вами к нивхам на Охотское побережье, в залив Счастья?"

Я ни разу не видел его унывающим, расстроенным, сердитым. Он никогда никого не ругал, не возмущался, не обижался. Даже когда мы, по моей вине, заблудились в лесу Сихотэ-Алиня и, промокнув до нитки, блуждали ночью в поисках тропы, в минуты ослепительных вспышек молний, Николай Павлович с восторгом воскликнул: "Какие кружевные листья у аралий, как блестят они, покрытые водой! Какая красота!"

Это был человек веселого нрава, любил шутить, и я очень рад, что скульптор Владимир Бабуров запечатлел в бронзовой скульптуре, едва заметную улыбку Николая Павловича. Да, чувство юмора не покидало Задорнова, жизнь в его глазах всегда ликовала. К тому же он обладал тонким артистизмом. Ни один известный мне писатель не умел так красиво, образно и умно выступать перед аудиторией, как Николай Павлович.

Подобно Гоголю, он полагал, что даже злая критика его романов приносит больше ему пользы, чем хвалебные отзывы. Он всегда дотошно расспрашивал меня: не исказил ли он в своих произведениях природу "северных джунглей"?

В Японии книги Задорнова переиздавались в подарочном академическом оформлении, а Министерство иностранных дел выражало автору благодарность за помощь в дипломатической работе.

Я никогда не причислял себя к сочинителям. Задорнов уважительно относился к моим "запискам карандашом с натуры" и даже организовал обсуждение моего творчества в Москве в Союзе писателей РСФСР. Он всегда проявлял внимание и заботу о молодых литераторах нашего края, помогал им, заступался за них.

Памятник себе он заслужил уже одним тем, что создал вечную книгу — "Амур-батюшка", впервые введя это словосочетание. Он написал романов и повестей об открытии, освоении и защите дальневосточного края больше, чем все писатели Хабаровского края вместе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В тот день, когда состоялось торжественное открытие памятника, с утра было пасмурно. Но к нужному часу, словно бы по заказу свыше, тучи вдруг расступились, а потом, из самой глубины неба, хлынул солнечный свет.

Когда официальная церемония подошла к концу и милицейский кордон расступился, от толпы отделился человек. Его внешность сразу притягивала: суровое лицо, обрамленное серебристой бородой, строгий черный костюм, высокие сапоги. Он молча подошел к памятнику, опустился на колени и поцеловал землю. Всеволод Петрович Сысоев, потрясенный увиденным, бросился к нему, помог подняться и спросил: "Вы были знакомы с Николаем Павловичем?" Человек ответил: "Нет, я просто читал его книги..."

На этой фотографии запечатлен Мартемьян Демьянович Ткачев, пенсионер, садовод. Вот так искренне, без помпезных слов он выразил свою любовь и уважение к дальневосточному писателю. Наверное, из всех оценок жизни и творчества Николая Павловича Задорнова эта — лучшая.

КРАСКИ СВЕРКАЛИ, КАК СГУСТКИ ПЛАНЕТНЫХ ЛУЧЕЙ

Николай Павлович Долбилкин – заслуженный художник России. Сегодня он живет и работает в Хабаровске. В его судьбе сплелось драматичное, трагичное, радостное. Н. П. Долбилкин писал: "Как только я начал себя осознавать, то ощутил, что жизнь моя должна быть связана с изобразительным искусством, с живописью. Впечатление от природы – чистых горных потоков, ежеминутно меняющегося неба, трав, цветов, мощных гор, поросших лесом, и далеких "белков" – так называют на Алтае заснеженные горные вершины – эти зрительные впечатления детства обостренно воспринимались моим сознанием. Но в кладовой памяти не

только природа – рукотворный мир русского крестьянского уклада давал богатую пищу для моего зрения: рушники, прялки, яркие тканые ковры и цветные домотканые шали – мир народного творчества, всегда мажорного, радостного..."

Жизнь художника неразрывно связана с жизнью его народа. Он прошел Великую Отечественную, был свидетелем бойни и гибели людей. Фронтовые дороги провели Николая Павловича по многим странам Европы. Румыния, Болгария, Венгрия, Чехословакия... По словам художника, тогда, после войны, его горячее желание выразить боль, гнев, радость преодоления и привело его в художественный вуз –

Горное озеро (х., м.)

Родина-мать. Фрагмент мозаики в зале Дворца культуры и науки судостроителей Комсомольска-на-Амуре.

Наука. Рельеф с мозаикой на здании политехнического универститета Комсомольска-на-Амуре.

институт имени Мухиной. Закончив его в 1955 году, Н. П. Долбилкин поехал в Комсомольск-на-Амуре. Здесь ему представилась возможность выполнить цикл мозаичных картин об истории молодежи России, посвященный строительству города юности. Значительная часть работ Н. П. Долбилкина выполнена в живописном жанре — пейзажи, портреты, натюрморты. Сам он никогда не разделял художников по жанрам, считая, что выбор тех или иных материалов или жанров — это необходимость разрешения той или иной творческой задачи, но отнюдь не цеховая принадлежность художника. "Четкая фиксированная привязка художника к тому или иному цеху (живописец, монументалист и т. п.) ведет к неизбежному вырождению твор-

Первостроители.
Фрагмент мозаики (Комсомольск-на-Амуре).

чества в ремесленничество, и начинают изготавливаться не произведения, а продукция цеха. Меня в равной степени привлекает работа над портретом и пейзажем, металлопластикой и мозаичным панно... Драма, трагедия, радость — все это я вижу в солнечном спектре насыщенных цветов". Вот что говорит о мастере заслуженный художник России Евгений Васильевич Короленко: "На мой взгляд, особая область творчества Н. П. Долбилкина — его этюды. Динамичные, совершенные. Он не просто списывал этюд с человека, он творил его красками, проецируя через свое духовное мировоззрение, через собственную энергетику. И краски сверкали, как сгустки планетных лучей! Большие, свободные мазки, крупные головы — на всю плоскость изображения. Энергетика человека заполняла весь лист. Она была связана с энергетикой художника. Если сравнить всех художников тех лет, то подробных дифференцированных портретов в красках никто никогда не

Натюрморт (х., м.)

писал. Воздействие этюдных портретов Н. П. Долбилкина настолько сильно, что они потрясают до сих пор.
Также свободно и легко он трактовал природу, краски его необычайно насыщенные. Если бы какой-нибудь музей догадался собрать этюды Долбилкина, это была бы удивительная по ценности коллекция работ нашего современника.
Я во многом благодарен Николаю Павловичу. Когда впервые увидел его этюды (в то время он писал их к своим мозаикам), я был потрясен. Многое дали мне его этюды. Сам стал пробовать подходить к природе таким же образом, дифференцировать цвет, передавать звуки красками. Мои этюды того периода были продиктованы восхищением Н. П. Долбилкиным. Его работы серьезно повлияли на меня, дали духовный и персональный рост.
Надо сказать, что свои мозаики Николай Павлович заканчивал после тяжелейшей операции. Какой героизм нужен был этому человеку — сделать огромнейшие, первые на Дальнем Востоке мозаики! Полубольной, он завершал начатое и завершил. Это был действительно подвиг!
У художника много замыслов, он должен завершить все, что задумал. Природой ему назначено многое, хотя главное Николай Павлович Долбилкин, великий художник, гениальный мастер, замечательный человек, уже сделал".

Портрет Любови Варшавской (х., м.)

Среди огромного множества архивных документов особый пласт составляют личные фонды. Сегодня в государственном архиве Хабаровского края их пятьдесят три. Это фонды писателей и поэтов Вс. Н. Иванова, П. С. Комарова, С. А. Смолякова, В. П. Сысоева, художника А. В. Шишкина, преподавателя Хабаровского государственного педагогического университета, автора учебников корякского и чукотского языков Н. А. Богдановой и многих других наших земляков. Среди них — имя Антонины Константиновны Дмитриевой, почетного члена Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Приамурского географического общества.

"От вас беру Воспоминанье, А сердце Оставляю вам

Ольга ИВАНОВА,
ведущий методист отдела организационно-методической работы государственного архива Хабаровского края

Антонина Константиновна сама передавала документы в архив по мере их накопления. В последний раз она это сделала незадолго до смерти, 13 февраля 1999 года. Но в рукописи своей биографии, в письмах друзьям и коллегам, в книгах и набросках статей жива эта неутомимая, наполненная удивительной энергией женщина. Такая беззащитная и хрупкая на первый взгляд, она преподнесла нашему городу великие дары. Во многом благодаря ее усилиям реконструирован памятник А. С. Пушкину, у которого каждый год в день рождения поэта собираются люди, влюбленные в его творчество. Вернулся на родную землю восстановленный памятник генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Сегодня это называют основными вехами жизни А. К. Дмитриевой, ее главной заслугой перед общественностью. И все же осталось нечто большее: вера в то, как много может сделать человек, когда он по-настоящему предан своему делу. Без громких и пышных фраз.

Антонина Константиновна родилась в 1914 году в селе Рудня Саратовской губернии (ныне Волгоградская область). Вот как она сама писала о своем детстве: "Отец служил регентом церковного хора, в котором пела и мать, оба обладали прекрасными голосами. Одновременно они участвовали в спектаклях на сцене Народного дома, где ставили пьесы, оперетки русских и украинских классиков, звучали песни и романсы. В зимние длинные вечера отец вслух читал повести Гоголя, рассказы Чехова, Льва Толстого. В доме была небольшая библиотека русских и зарубежных классиков. "Запоем" читала сказки Пушкина, Жуковского, Андерсена, а позже все, что попадалось. В школе легко заучивала стихи, которые сохранились в памяти навсегда. Считалась первой ученицей русского языка и литературы...".

Однако по окончании семи классов Антонина Константиновна поступает в зооветтехникум, расположенный в семи километрах от городка Уральска в Западном Казахстане. "Училась успешно, хотя к сельскому хозяйству меня не тянуло. Я-то мечтала, имея хороший голос и любовь к музыке, поступить в консерваторию", — пишет Дмитриева. Ранняя смерть матери, изменившиеся семейные обстоятельства помешали осуществлению ее мечты. Далее — обычная жизнь: замужество, рождение сына.

С началом войны муж ушел на фронт, а вскоре и сама Антонина Константиновна, отправив сына к родственникам, уехала в город Камышин, ставший прифронтовым, где работала санитаркой в госпитале. Позднее ее направили в качестве повара в действующую армию на Первый Украинский фронт. После ранения и госпиталя Антонина Константиновна получила отпуск и оказалась в родном селе Рудня. Там она получила скорбное сообщение о без вести пропавшем муже и в 1947 году уехала в Хабаровск. Здесь А. К. Дмитриева работала по специальности в различных учреждениях системы сельского хозяйства, возглавляла крайком профсоюза работников этой отрасли.

Антонина Дмитриевна была человеком неутомимым, поэтому неудивительно, что и на пенсии активно занималась общественной работой. Стала внештатным корреспондентом хабаровского радио и газеты "Сельская новь", лектором общества "Знание". И что самое главное, принимала живое участие в деятельности Общества охраны памятников и Приамурского географического общества.

В личном архиве А. К. Дмитриевой хранятся документы, связанных с реконструкцией памятника А. С. Пушкину. Их не много, но все же они позволяют проследить, как идея реставрации памятника великому поэту претворялась в жизнь. В очерке "Наш Пушкин" А. К. Дмитриева пишет: "Все началось с моего посещения музея А. С. Пушкина в Москве в сентябре 1976 года. В одном из залов я увидела увеличенные фотографии памятников Пушкину в нашей стране и за рубежом. Разглядывая их, я невольно вспомнила о нашем памятнике поэту... и мне пришло в голову предложить его фотографию музею. Все-таки, Дальний Восток... Не долго думая, я зашла в кабинет директора музея Крейна... Я обещала выслать фотографию нашего памятника... Вернувшись домой, попросила знакомого фотографа поехать со мной к памятнику, а увидев его, ахнула. Фигура поэта была обезображена трещинами, подтеками, белыми пятнами. На нее было больно и стыдно смотреть, не то что фотографировать для музея..."

Попытки проследить историю появления памятника в Хабаровске привели Дмитриеву к первым преподавателям педагогического института Моисею Григорьевичу Штейну и Евгению Ефимовичу Желтоухову. Они рассказали ей о том, что в 1934 году при закладке здания его первый директор Василий Иванович Вишняков и коллектив преподавателей решили присвоить пединституту имя А. С. Пушкина. С этой целью в Краснопресненских художественных мастерских

Москвы приобрели скульптуру, но вовремя ее не установили, а потом просто-напросто о ней забыли. Между тем долгое время из северных окраин приходили письма с адресом на конверте: "Хабаровск, педагогический институт им. А. С. Пушкина".

В 1949 году пленные японцы, строившие общежитие пединститута, наткнулись на ящики. В них оказалась скульптура, разбитая на части. Один из японцев оказался архитектором, он предложил собрать фигуру поэта, но не успел, так как пленных вскоре отправили на родину. Дело завершилось в 1950 году, когда скульптуру собрали, окрасили под цвет старой бронзы и установили неподалеку от института. Ежегодно, ко дню рождения поэта, студенты художественно-графического факультета во главе с заведующим художественной мастерской факультета Виктором Джунем приводили памятник в порядок, делали все, что было в их силах: закрашивали трещины, пятна. С историей хабаровского памятника А. С. Пушкину связано имя Александра Сильвестровича Комовского, пенсионера, который начал ходить по различным инстанциям с просьбой провести реставрацию постепенно приходящего в негодность памятника.

Антонина Константиновна к этому времени была внештатным корреспондентом краевого радио, в эфире часто звучали ее рассказы о посещении пушкинских мест. Постепенно тема, посвященная памятнику великому поэту, становилась центральной, в радиопередачах принимали участие художники, литераторы, почитатели творчества поэта. Среди хабаровчан возникла небывалая волна интереса к Пушкину, гармонично она слилась с общесоюзным в то время движением пушкинистов. В ответ на публикации в газетах "Вечерняя Москва", "Московский художник", посвященных памятнику Пушкина в Хабаровске, из разных городов Советского Союза пошел поток писем на радио, в краеведческий музей. Письма передавались Антонине Константиновне. Позднее она вспоминала: "Так, благодаря Пушкину, у меня появилась масса близких по духу людей, с которыми установилась не только переписка, но и встречи при посещении этих городов, в том числе с правнуком поэта Григорием Григорьевичем Пушкиным, которому я подарила увеличенную фотографию нашего памятника". Подобную фотографию Дмитриева направила и в московский музей имени А. С. Пушкина, а ее имя внесли в "Книгу даров" музея.

Документы, находящиеся в личном фонде А. К. Дмитриевой, рассказывают о том, что памятник был взят на учет хабаровским советом охраны памятников и управлением культуры. Кроме того, создана комиссия при горисполкоме по его капитальной реставрации, которой непосредственно занимались скульпторы из Комсомольска-на-Амуре Надежда Семеновна Ивлева и Сергей Васильевич Николин. Позднее именно к ним обратилась Антонина Константиновна с просьбой о помощи в восстановлении памятника Н. Н. Муравьеву-Амурскому.

Любой исследователь, обратившийся к документам, может самостоятельно восстановить весь ход реставрации, а также проследить вопрос выяснения авторства памятника, который до сих пор остается открытым. Интересную информацию дает письмо Николая Николаевича Малова, доктора физико-математических наук, профессора из Москвы, увлеченного почитателя Пушкина, собравшего многочисленную коллекцию (более 150) фотографий памятников Пушкину в нашей стране и за рубежом: "Недавно один из моих друзей прислал мне вырезку из какой-то газеты. Вот текст: "Памятник Пушкину в Хабаровске — дипломная работа выпускников художественно-графического факультета пединститута Анатолия Ванакова, Анатолия Вилкова и Олега Кобина". К сожалению, ни названия газеты, ни города, в котором находится пединститут (а их много!) не сообщается".

Забегая вперед, стоит сказать, что авторы так и не были установлены, выписка из протокола заседания сектора монументального искусства научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств ордена Ленина Академии художеств СССР от 1 августа 1986 года гласит: "... ознакомившись с фотографией памятника А. С. Пушкину в городе Хабаровске, комиссия констатирует, что этот скульптурный монумент является профессиональной интересной работой советского скульптора 30-х годов (авторства, к сожалению, пока установить не удалось)".

Письма дают общее представление о том, каким в то время было массовое (не профессиональное) пушкиноведение. Георгий Дровянников из Ярославля — еще один корреспондент А. К. Дмитриевой. Из 290 известных памятников Пушкину он собрал сведения о 227 (статуи, бюсты, барельефы, горельефы, памятные доски). Эта исследовательская работа проводилась для Всесоюзного музея А. С. Пушкина, куда Дровянников передавал все собранные материалы. Кроме сведений о памятниках он составил картотеку газетных статей, посвященных памятникам поэту начиная с 1922 года и до 1984 года, а также каталог книг и журналов с 1880 по 1988 годы по материалам библиотеки Пушкинского Дома. В одном из номеров "Пушкинского временника" за 1990 год, изданного Пушкинским Домом, должен был быть напечатан каталог памятников, над которым с таким рвением трудился Г. А. Дровянников.

Большинство из тех, кто писал Антонине Константиновне, были "одержимы Пушкиным", они стремились поделиться своими знаниями, чувствами с подрастающим поколением. В личном фонде Дмитриевой есть дело: "Письма из школьных музеев А. С. Пушкина". Здесь можно найти интересное упоминание о музее средней школы № 29 города Одессы, который возглавлял Илья Лазаревич Попелюхер. Вместе с детьми он собрал большую коллекцию произведений великого русского писателя, изданных на различных языках, включая эсперанто.

Еще один фрагмент жизни Антонины Константиновны — выставка, организованная к 180-летию со дня рождения поэта. Она проходила в хабаровском кинотеатре "Сатурн" и привлекла большое внимание самых разных людей. Среди отзывов об этой экспозиции есть отклики народного артиста РСФСР Георгия Жженова, писателя Анатолия Иванова.

В пушкинскую часть фонда Дмитриевой вошло немало интересных документов. Сегодня они рассказывают нам о том, как жила и чем дышала удивительная женщина — Антонина Константиновна Дмитриева. Имя Пушкина особым светом озарило ее путь, наполнило жизнь особым смыслом. Этот свет, яркий и теплый, она подарила всем нам, живущим сегодня, и тем, кто придет вслед за нами.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХАРБИНЕ

Лидия ВАРАКСИНА,
заместитель директора государственного архива Хабаровского края

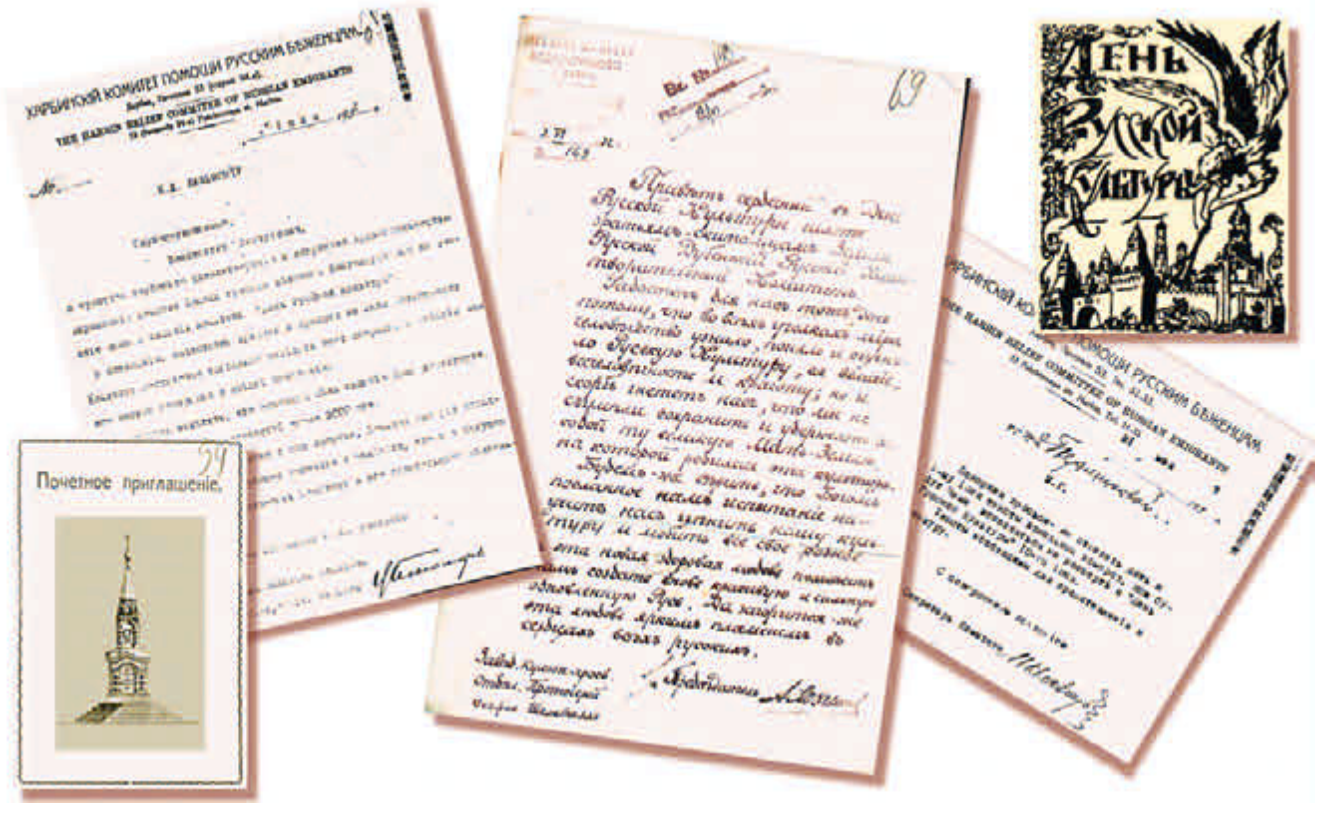
Начиная с 1924 года в первой декаде июня по инициативе Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), а с 1934 года и при поддержке Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) вплоть до середины 40-х годов в Харбине отмечался День русской культуры. Он был приурочен к дню рождения А. С. Пушкина. А как говорил в одном из своих многочисленных обращений к русским эмигрантам председатель ХКПРБ Виктор Иванович Колокольников, "День русской культуры давал возможность русским людям оторваться от забот повседневной тяжкой борьбы за существование и почерпнуть новые силы в изумительных богатствах русского многовекового национального творчества".

Именно в этот день "разбросанные на чужбине русские люди мысленно объединялись со всеми соотечественниками, чтобы почувствовать радость от общения с русской культурой", так как они твердо верили, что их главная цель в изгнании состоит прежде всего в том, чтобы сохранить и приумножить русскую культуру.

Что они подразумевали под русской культурой? Какие культурные, художественные, интеллектуальные традиции собирались поддерживать и сохранять? Сами эмигранты не конкретизировали понятие русской культуры. Но документы 20 — 40-х годов, сосредоточенные в фондах ХКПРБ, БРЭМа и других, а также в печатных источниках (книгах, газетах, журналах), вывезенных из Маньчжурии в конце 1945 года хабаровскими архивистами, дают возможность высветить в какой-то мере некоторые аспекты представлений русских эмигрантов в Харбине о русской культуре, раскрыть их взгляды на нее.

Русская культура, как свидетельствуют документы, нашла самое полное свое выражение в литературе, поскольку литературные произведения было легче всего распространять среди эмигрантов, а русский язык играл ведущую роль в общении различных этнических групп эмигрантского населения Харбина. Разумеется, и живопись, и музыка, и хореографическое искусство внесли неоценимый вклад в развитие русской культуры в Маньчжурии, но национальная русская классическая литература для большинства эмигрантов порой являлась единственным целительным источником, питающим душу, сердце, разум.

Именно Пушкин символизировал для них высочайший уровень, достигнутый русской литературой. Его не только читали, его заучивали наизусть все образованные и даже полуобразованные русские. Для изгнанников, оказавшихся вдали от родины, Пушкин значил исключительно много. Его произведения вызывали в памяти милые образы дорогой Отчизны, а его глубокое знание и описание других народов и культур помогали эмигрантам легче входить в чужой мир, окружающий Русское Зарубежье.



И слова Пушкина, приведенные в приветствии членов Русского клуба, присланном в ХКПРБ в 1931 году из Каира:

"Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу,
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека —
Залог величия его",

удивительно точно отражают настроение русских эмигрантов, рассеянных по всему миру. В Америке, Австралии, Китае, Польше, Чехословакии, Германии, Франции и других странах русского рассеянья существовал настоящий культ Пушкина. Он был идеалом безупречной русской поэтической речи, а день его рождения (6 июня) повсеместно праздновался как День русской культуры. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные поздравления, поступавшие в адрес ХКПРБ накануне этого замечательного праздника на протяжении 30 — 40-х годов.

Начиная с 1934 года для проведения Дня русской культуры и всех мероприятий, проводимых ХКПРБ в его рамках, требовалось обязательное разрешение, с одной стороны — БРЭМа, с другой — Департамента полиции Великого Харбина. Содержание лекций, докладов, пьес, инсценировок, стихов и даже нот музыкальных произведений подвергалось обязательной цензуре. На всех материалах, прошедших двойную проверку, ставился обязательно штамп "Дозволено цензурой Департамента полиции Харбина".

В преддверии Дня русской культуры ежегодно избиралась комиссия, отвечающая за подготовку и проведение праздника. Состояла она из нескольких секций: программной, редакционной, административно-хозяйственной. В период подготовки праздника организовывались "кружечные сборы", распространялись подписные листы на сбор пожертвований, устраивались балы, "счастливые базары" и многочисленные лотереи. Специально к этому русскому национальному празднику на протяжении многих лет издавался журнал "День русской культуры". В нем помещались статьи по самым различным вопросам религии, права, науки, искусства, литературы и истории. Журнал распространялся в Харбине, по всей территории Маньчжу Ди Го, а также отправлялся за границу.

Все средства, полученные от этих мероприятий и распространения журнала, "шли на проведение праздника, удовлетворение культурно-просветительных нужд русских эмигрантов, а также оказание материальной помощи неимущим слоям русского населения".

Открывался праздник обычно утренним молебном, а вечером — торжественное собрание и большой концерт. Сохранились программы, листовки и афиши за 1032 — 1937 годы, которые расклеивались по всему городу. Из афиши и других документов за 1934 год узнаем, например, о том, что в праздновании Дня русской культуры принимал участие Н. К. Рерих и его сын Ю. Н. Рерих, которые приехали в Харбин по поручению нью-йоркского музея "Rerih-museum" с целью ознакомления с религиозными памятниками, монастырями и др.

О том, как праздновался День русской культуры в Харбине, достаточно подробно рассказывают документы архивных фондов. Это протоколы заседаний правления Харбинского комитета помощи русским беженцам, на которых обсуждались и утверждались планы, сметы расходов, программы празднования. В их разработке всегда участвовали лучшие научные, литературные и художественные силы Харбина. Это переписка комитета с различными общественными организациями, учебными заведениями, писателями, поэтами, художниками, творческими коллективами и отдельными исполнителями и др.; тезисы докладов, речей и лекций; подборки стихов известных эмигрантских поэтов: А. Ачаира, А. Несмелова, М. Колосовой, Гумилевский сборник, отклики и поздравления объединений, союзов, кружков русских эмигрантов из Америки, Бельгии, Египта, Польши, Франции, Чехословакии и других стран Русского Зарубежья, а также портреты русских эмигрантов: поэтов, художников, журналистов, певцов, актеров и музыкантов и многие другие документы. В них сохранилась частичка истории культурной жизни русских эмигрантов в Харбине, в них отразилось желание тысяч русских людей, уехавших из России, остаться русскими в своем особом обличии, в своей особой внутренней тональности.

В январе 1999 года в Хабаровском театре музыкальной комедии состоялась премьера спектакля "Цыганский барон" И. Штрауса в постановке народного артиста Украины, заслуженного деятеля искусств России Юлия Изакиновича Гриншпуна. Сразу после премьеры он лег в больницу, все знали, болезнь у него тяжелая, давняя, но даже думать о плохом никто не хотел. В клинике он перечитывал "Мастера и Маргариту". Весь театр перебывал у него, смеясь, пересказывали его шутки, каламбуры о врачах и собственной болезни, вскоре он начал репетировать новый спектакль. 25 марта его не стало. Это потеря для ТЕАТРА...

Анна ШАВГАРОВА, театровед

ЧЕЛОВЕК, который открывал ГОРИЗОНТЫ

Стиль Мастера всегда узнаваем. Стиль Гриншпуна — открывать горизонты жанра, профессии, мастерства, будущего Театра...

Юрий ТИХОНОВ, заслуженный артист России, директор театра: *"Наверное, кто-то скажет — нет людей незаменимых, и это верно, но есть люди неповторимые. Юлий Изакинович был неповторимым режиссером именно нашего жанра. Другого такого режиссера, столь одаренного в оперетте, я не знаю. Мне довелось работать со многими мастерами, но Юлий Изакинович был уникально многогранен, разносторонне одарен как музыкант, композитор, сценарист. Только очень талантливый человек мог себя так широко проявить. Он был режиссером самого высокого класса. Трудно ему пришлось начинать в 80-е годы в Хабаровске, он шел непростым путем, его не сразу принял зритель. Но он сделал наш театр непохожим на другие театры оперетты. Создал много талантливых спектаклей, театралы их помнят по сей день. Из многих наших актеров сделал мастеров. У него вся труппа пела, танцевала, это была его мечта — создать театр уникальных артистов, не разделяя их на хор, персонаж, балет. Во многих его спектаклях она воплотилась".*

Настоящим театральным событием 1996 года в Хабаровске стал спектакль Юлия Гриншпуна, поставленный к 70-летнему юбилею театра музыкальной комедии. Режиссер шел от уникальности события — первый в стране театр оперетты появился на далекой окраине, во времена разрухи, когда казалось бы, не до веселья...Но была все-таки благодатная почва для его создания, недаром театр всегда обладал актерскими именами, был богат традициями, которые оказались достойны уровня Мастера. Спектакль Гриншпуна назывался "И я была девушкой юной..." и имел жанровое определение — "Откровенные признания 70-летней мадам Оперетты". На сцене театра был пир! Торжество откровенной театральности со всеми его приметами: остроумный сценарий и великолепный актерский ансамбль, блестящая работа балетмейстера, выразительное и лаконичное оформление, поющий балет и танцующий хор, фейерверк и канкан. Спектакль был насыщен энергией, актерской заразительностью и любовью к театру.

Елена ПИВЧЕНКО, концертмейстер театра: *"Юлий Изакинович с любовью делал все, работая с музыкальным материалом, актерами, постановочной группой. Когда я попала в театр, не понимала, что он делает здесь, в провинции, в этом "низком" жанре, с его консерваторским образованием, знаменитыми родителями, высокой культурой. А позже поняла: он любил жизнь во всех ее проявлениях, и театр для него был такой жизнью. От работы получал такое удовольствие, что не мог этот тяжкий, ежеминутный труд оставить. Такой же отдачи требовал от всех. Его спектакль постепенно открывался как для зрителей, так и для актеров, удивлял всегда. Наверное, потому что заставлял думать..."*

Один из последних спектаклей, сочиненных Мастером, "Любви все рыцари покорны" представляется мне айсбергом, в котором подводная, невидимая часть мощнее зримой верхушки. В спектакле подлинно поэтическое начало: на фоне звездного неба и макета испанского городка с узнаваемым пейзажем, появляется Дульсинея, звучит испанская мелодия, в страстном танце солистов читается призыв к любви, о которой поет героиня. Затем Дульсинея (засл. арт. Татьяна Маслакова) словно поднимается в звездное небо и исчезает в нем. Так родилась мечта Дон Кихота (нар. арт. Валерий Хозяйчев), и в путь за ней он отправляется вместе с верным оруженосцем Санчо Панса (нар. арт. Игорь Желтоухов). Судьба приводит их в Англию, Россию, Германию, неведомое индейское племя, и Дон Кихот узнает Дульсинею в Элизе Дулитл, герцогине Герольдштейнской, Екатерине Великой и дочери главы индейского племени. Но найти идеал не означает отыскать единственную любовь, и авантюрное путешествие превращается для Дон Кихота в поиск смысла жизни. И вот герои снова в родном испанском городке, девушка, певшая песню о любви, опять так напоминает манящий

Юлий Гриншпун с актерами перед премьерой спектакля "Цыганский барон".

идеал. И происходит чудо, образ не исчезает, напротив, становится осязаемым и реальным. Девушка спускается прямо из звездного неба — и тихо тает картина счастья обретения возлюбленной познавшим смысл любви Дон Кихотом.

Гриншпун выстраивает откровенно романтический, лирический финал в этом веселом, хулиганском спектакле. Не нужно искать идеал в далекой стране, не нужны подвиги во имя заморских див, только оглянись, присмотрись к девушке, которая каждый день проходит по твоей улочке.

Его талант требовал столь же талантливых постановщиков. Благодаря Гриншпуну в Хабаровском театре музыкальной комедии выросли настоящие специалисты. Он любил еще не сложившиеся таланты и если видел в человеке "искру", мог заниматься с ним часами. За его последние годы работы в Хабаровске появился целый ряд талантливых молодых актеров, которые прошли "школу" Гриншпуна: Владлен Павленко, Денис Желтоухов, Ольга Пахомова, Светлана Попова. Рядом с ним все загорались сотворчеством, от директора до монтировщика, включались в процесс сочинения спектакля.

Единый, цельный по ощущению ансамбль театра, переосмысление драматургии, тяготение к драматическому спектаклю, действенно выстроенные массовые сцены особенно ярко проявились в "Холопке" Н. Стрельникова. Режиссёр в банальном сюжете отыскал серьёзную драматическую тему — власти и искусства.

Андрей НАРТОВ, главный балетмейстер театра: *"В первой работе сказал мне: пару спектаклей со мной выдержишь, еще сто поставим. Не сдержал слово, я опыта еще не набрался... Гриншпун всегда требовал от балетмейстера ясности, четкости, яркости, ритма. Потому что танцевальный номер должен соответствовать характеру персонажа, отвечать эпохе, стране, месту действия. И все это нужно отразить в минуту, пока длится танцевальный номер. Сначала, конечно, шли от музыки; Гриншпун в кабинете на рояле играет номер, и спрашивает, что тут? Какое возникло ощущение? Я тут же движения показываю.*

Гриншпун почти всегда финалы ставил массовые, это и на эмоциональном уровне читается лучше, а балетмейстеру есть где развернуться".

Для спектакля "Марица" И. Кальмана, премьера которого состоялась в декабре 1996 года, Гриншпуном был написан новый вариант либретто, в котором незатейливая мелодрама "подтянута" до современного зрителя. Интуиция на время была присуща ему, как врожденное чувство. Раздвигая границы достаточно консервативного жанра — оперетты, Гриншпун всегда сочинял спектакль, как полифоническую историю. Зачастую персонажи второго плана выдвигались на первый, нежданно-негаданно возникали новые. Так, в программке "Марицы" возник автомобиль. Он стал не просто предметом реквизита, а именно персонажем, с ним общаются, жалуются на жизнь и ждут сочувствия. Но что возьмешь с груды железа? И вдруг, когда, проникшись прямо-таки человеческими чувствами, автомобиль поехал за Баженой (засл. арт. Людмила Блок) и Пенижеком (засл. арт. С. Боридко), зрительный зал ахнул и обмер, столько было в движении машины боли за своих непутевых хозяев, тоски за уже прожитую жизнь.

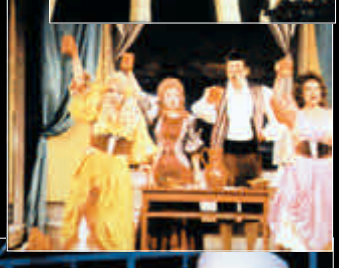
Еще одна изящная выдумка Гриншпуна — попугай в "Парижской жизни" Ж. Оффенбаха. На самой верхушке Эйфелевой башни сидит озорной попугай, беззастенчиво комментирует действие, остроумно представляет актеров и всячески хулиганит... Попугай — механическая игрушка, хлопающая крыльями, вертящая во все стороны головой, неподражаемо озвучиваемая за сценой актрисой Татьяной Маслаковой. В спектакле он становится ведущим действие персонажем, этаким доморощенным философом, изрекающим незатейливые, но мудрые мысли. Казалось, что Гриншпун пытался выдумать таких героев, чтобы вложить в их уста выстраданные им самим истины, но облеченные в подобных персонажей, они обретали юмор, а не превращались в штампованные слова.

Андрей НЕПОМНЯЩИЙ, главный художник театра: *"Гриншпун научил не идти по легкому пути. Требовал всегда одного — знаний, профессионализма. Чтобы с самого начала художник схватил эпоху, стиль автора. Всегда просил покопаться в материале, своих знаниях и выхватить предметы материальной среды не просто нужной эпохи, а нужные ему для спектакля. Постепенно выбранный предмет обрастал другими, так мы цеплялись за интересный объект, который мог стать главным, вокруг которого можно построить спектакль. Всегда хотел удивить, озорство должно было присутствовать, требовал изобретательности и от художника. Чего стоит наш паровоз с тремя вагонами, которые вздят по всей сцене, проезжают под декорацией-конструкцией Эйфелевой башни, возят людей в "Парижской жизни"? Его режиссерский талант отчетливо проявлялся в умении объединить всех создателей визуального ряда спектакля единой творческой задачей. Про Гриншпуна невозможно говорить в прошедшем времени. Его душа, личность и мастерство передаются и сегодня его спектаклями".*

Режиссерский почерк Мастера проявлялся в необычайно тонком чувстве формы спектакля, возникавшей на основе глубокого знания музыки, драматургии. Только по-настоящему познав предмет и "заболев" им, он заключал его в объятия жанра, назначал актеров на роли, привлекал необходимые выразительные средства. Почерк Гриншпуна родился в десятилетиях практики, огромном личностном опыте, ежесекундной душевной работе ради искусства. В последние годы все составляющие его таланта сошлись, обогатились, и казалось, что вот-вот будет новый виток...

Дальний Восток был его любовью, во Владивостоке он состоялся как музыкант и педагог, заявил о себе как о театральном режиссере, в Магаданском театре познал труд главного режиссера, в Хабаровске раскрылся его многогранный талант.

Хабаровск прощался с Юлием Изакиновичем Гриншпуном 27 марта, в Международный день театра. В этом было нечто символическое...

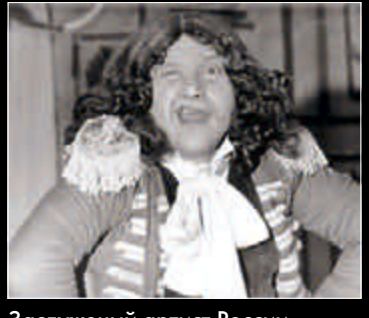


ХАБАРОВСКОМУ ТЮЗу — 55

Загадочный мир, где живут сказочные герои, происходят чудеса и добро обязательно побеждает — это театр юного зрителя. В нынешнем году хабаровскому ТЮЗу исполнилось пятьдесят пять лет.

Наталья АНГАРСКАЯ,
заведующая литературной частью ТЮЗа

В конце прошлого века купец, "винный король" Михаил Павлович Пьянков купил в центре Хабаровска земельный участок. Здесь в 1896 году началось строительство двухэтажного здания, а 2 декабря 1901 года Пьянков передал его в аренду хабаровскому Общественному собранию. В маленьком и уютном особняке разместились библиотека, симфонический оркестр, музыкальная и драматическая студии, хоровое объединение и даже ресторан. Октябрьская революция многое изменила в привычном раскладе, и здание, что называется, переходило из рук в руки.



Заслуженый артист России Владимир Годованец.

А потом произошло событие... Шла Великая Отечественная война, а здесь, в тылу, открывался первый на Дальнем Востоке театр для детей и юношества. В трудное время разрухи и голода страна нашла возможность и средства для открытия театра. В Хабаровск вначале приехала группа эвакуированных артистов из Ленинграда, затем съезжались артисты из других городов. Летом 1944 года впервые был поднят занавес: спектакль по пьесе И. Штока "Осада Лейдена" возвестил о рождении нового театра в Хабаровске. А сегодня ТЮЗ празднует свое 55-летие. Когда-то основатель детского театрального движения в нашей стране Александр Александрович Брянцев назвал ТЮЗ театром особого назначения. "В ТЮЗе работают художники, думающие как педагоги, и педагоги, способные чувствовать как художники, — говорил он. — Театр помогает ребенку глубже осознавать свои мысли и чувства, но делает это ненавязчиво, в форме игры, своим особым способом, имя которому искусство". Хабаровский театр юного зрителя все эти годы старался следовать такому девизу. На его сцене поставлено более четырехсот спектаклей из репертуара русской и зарубежной классики, современной драматургии. Наш театр объехал весь Хабаровский край, спектакли с успехом шли на Камчатке, Сахалине, актеров приветствовали зрители Магаданской, Амурской, Читинской, Кемеровской областей, Приморского и Красноярского краев, Казахстана и Бурятии. Свое искусство в 1995 году хабаровский ТЮЗ представлял в Японии. Аплодисментами и морем цветов одаривали актеров зрители Токио, Ниигаты, Амагасаки и Сагамихары после спектакля "Бунна", поставленного японским режиссером. А год спустя в Хабаровске состоялась премьера спектакля "Одержимые любовью" по пьесе Сэма Шепарда, которую поставил на российской сцене режиссер с Аляски Майкл Худ. Как и в любой судьбе, у театра были разные этапы, но во все времена здесь раздавался искренний детский смех, а в широко распахнутых глазах маленьких зрителей читались доверие и любовь.

Заслуженая артистка России Татьяна Гоголькова.

В ТЮЗе есть хорошая традиция: готовить новый спектакль к важным для театра событиям. К своему дню рождения коллектив подготовил не совсем обычный спектакль — фолк-рок-оперу "Конек-Горбунок". Все знают, что в нашем ТЮЗе очень поющая труппа, а в репертуаре много музыкальных спектаклей. Композитор Дмитрий Голланд ничуть не сомневался, предлагая театру свою новую оперу, написанную на либретто Татьяны Горбуновой. Это яркое театральное зрелище в постановке режиссера Вадима Гоголькова стало подарком для зрителей к юбилею театра.

Сцена из спектакля "До свидания, овраг!"

“Судьба вела меня в мою мечту...”

Елена ГЛЕБОВА, журналист

1942 год.

Жизнь актера не годами измеряется — театральными сезонами. У Любови Васильевны Теряевой уже миновал сорок первый. Ее можно назвать старейшей актрисой хабаровского ТЮЗа, но слова эти никак не вяжутся с реальным образом. На суетливой улице, среди вечно спешащей толпы взгляд вдруг выхватывает стройную фигурку с горделиво посаженной головой и точеным профилем. Есть в ней что-то от таинственной незнакомки. А между прочим, в детстве сверстники называли ее запросто — “кнопкой”. За маленький рост.

Любовь Теряева родилась в Санкт-Петербурге, но ее второй родиной стал Владивосток. Едва девочке исполнилось шесть лет, родители по долгу службы уехали в далекий край, к Японскому морю. Отец, Василий Константинович Лелянов, путиловский рабочий, был командирован на Дальзавод, где и проработал практически всю жизнь. Мама, Антонина Яновна Венцель, сестра милосердия, приехала на Дальний Восток вместе с Чешским корпусом. Когда мать умерла, Любе было всего девять лет. У нее и трех ее старших братьев появилась мачеха. Как рассказывала Любовь Васильевна, та женщина очень любила отца, раз пошла на такую жертву. Но любовь эта оказалась пагубной для его детей. Братья были уже взрослыми и покинули дом, а Люба терпела. Когда ей исполнилось девятнадцать, стала строить жизнь самостоятельно.

Но театр вошел в ее судьбу гораздо раньше. Наверное, когда в первый раз побывала на спектакле “Пограничники” в Железнодорожном театре. Шла война, Люба, как и многие сверстники, работала после ФЗО на заводе. Однажды, в виде премии, она получила билет в театр драмы на “Платона Кречета”.

70-е годы. Роль беспризорника в спектакле “Мэджи остаётся в порту”.

Столько лет промелькнуло, а Любовь Васильевна до сих пор ощущает потрясение от игры актера Присяжнюка — гордости театра и Дальнего Востока. Тогда и подумать не смела, что спустя годы сама будет играть в этом спектакле роль юной Майки. И все же хрупкая девочка стояла у заводского станка и мечтала о сцене, использовала каждую минутку отдыха: помимо вечерней школы ходила в танцевальный и хоровой кружоки .

В один из майских вечеров сорок пятого года на танцевальной площадке клуба моряков Любовь Васильевна встретила своего будущего мужа — Петра Яковлевича. Тогда он уже был артистом, работал в иркутском ТЮЗе. Потом его забрали в армию, а во время войны он служил во Владивостоке старшиной второй статьи. Второе свидание Любови и Петра было назначено на девятое мая. Они пошли в кино, но тут объявили победу. Долгожданную, выстраданную. Все выбежали на улицы, корабли вышли на рейд, зажглись огни — это случилось впервые после долгой светомаскировки.

Петр Яковлевич Теряев стал судьбой Любови Васильевны. “Судьба вела меня в мою мечту”, — сказала актриса. Ее профессиональная жизнь в театре началась в Иркутске. Муж после демобилизации вернулся в ТЮЗ, а Люба поступила по конкурсу в балетную группу оперетты.

— Работая в кордебалете, я трепетно относилась к сцене, — говорит Любовь Васильевна. — Для меня сцена была и будет святым. Главный режиссер Александр Николаевич Орлов, видя во мне эту трепетность, стал давать мне небольшие роли. Обычно первыми претендентками на роли были хористки, а тут — артистка балета. Марья Алексеевна Морозова, замечательная актриса, ставшая моей театральной матерью, репетировала со мной...

Любовь Васильевна почему-то не говорила мужу о своем продвижении в театре. И только когда получила роль в “Периколе” Оффенбаха, пригласила его на спектакль. Так получилось, что Петр Яковлевич задержался и прибежал только ко второму акту. Он был потрясен: его Люба играла на сцене.

В жизни Любовь Теряевой было семь театров: три ТЮЗа — кировский, омский, хабаровский, три драматических — канский, павлодарский, новгородский и один театр оперетты. На ее пути встретились сорок семь режиссеров, она сыграла двести девять ролей. В нашем хабаровском ТЮЗе — сто пятьдесят две.

70-е годы. С мужем Петром Яковлевичем Теряевым, заслуженным артистом России.

Разные были роли. "Зайчики", "лисички", "лошадки" и даже "гусеницы". Очень долго Любовь Теряева играла мальчишеские роли. Она любила их как-то по-особенному. Ее всегда поражала в мальчишках какая-то целостность, правдивость. Они такие непредсказуемые, озорные. Такими были ее Валик в "Детях подземелья", Шурка Тычинкин в "Сомбреро", Гекельбери Финн в "Томе Сойере". В "Красных дьяволятах" ей досталась роль китайца Ю-Ю. Любовь Васильевна долго сопротивлялась — какой же из неё китаец? А режиссер опровергал ее довод: "Люба, ну перестань, посмотри, ты самый настоящий Ю-Ю!" Роль последнего мальчишки актриса сыграла в пятьдесят один год.

Так получалось, что еще совсем молодой актрисе приходилось играть пожилых. Как, например, в 1959 году в спектакле "Да сгинет день" она играла Мэри Грэхэм — мать двоих детей, роль трагичную, требующую большого жизненного опыта. "Я никогда не играла возраста на сцене, — заметила Любовь Теряева. — Я играла характер".

Сколько раз я видела Любовь Васильевну на сцене, она ни разу не была, что называется, "не в форме". Оказывается, все просто. Есть неписаный театральный закон: все беды должны оставаться дома.

— Когда входишь в театр, эти двери наглухо закрываются. Зритель никогда не должен знать мое настроение. Я всегда нахожусь в этих рамках. И хотя жизнь моя иногда не очень сладкой бывает, как, наверное, у всех, я не позволяю, чтобы кто-то заглянул ко мне в душу. Я всегда весела, приветлива, этого требует моя профессия...

Обычно у актеров спрашивают о несыгранных ролях. У Любовь Васильевны это "Бесприданница". Она мечтала об этой роли потому, что сама была бесприданницей. Но так получилось, что такой спектакль в ТЮЗах не ставили, а в драматических театрах работала всего по одному сезону. И все же...

— Я счастлива, что столько лет играла на сцене театра для детей, я люблю своего зрителя, потому что ему не соврешь. Дети ведь сразу почувствуют фальшь, отвернутся, не поверят. Я рада, что от имени театра могла и могу доставлять минуты радости одним, заставлять негодовать других, о чем-то задуматься третьих. Потому что театр — судьба и жизнь моя...

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК ТЮЗа

Елена СОЛНЦЕВА, журналист

Сегодня мало кто знает, что первым художником Хабаровского театра юного зрителя был Алексей Васильевич Шишкин. Именно он в создавал эскизы к костюмам и декорациям "Осады Лейдена" — спектакля, с которого и началась история ТЮЗа . К сожалению, материалы об этом событии скудны. В архиве Шишкина хранятся листы с набросками образов героев спектаклей. Но даже эти крохи сегодня воспринимаются как большая ценность. Художник размышлял, искал нужные формы, цвет. Вот горделивый лоцман, безжалостный палач. Понятно, что премьера — дело очень ответственное, от работы художника зависит чуть ли не половина успеха. Сохранилась и пожелтевшая от времени афиша, судя по которой спектакль был действительно грандиозным событием для Хабаровска. Да еще время какое — сорок четвертый год! В постановке были заняты двадцать четыре артиста. Имена на ветхой бумаге — имена давно ушедших людей. Адриан Ван Дер Верф, бургомистр Лейдена — актер Н. А. Сорокин. Магда, его дочь — актриса К. Ф. Дубова. Тиль Уленшпигель — Д. Г. Швец...

Больше пятнадцати лет Алексей Васильевич Шишкин работал художником в ТЮЗе, а также в мастерских Всекохудожника, в Художественном фонде РСФСР. К тому моменту Шишкин прожил в Хабаровске уже около двадцати лет. Еще при жизни его называли певцом дальневосточной природы, мастером дальневосточного искусства. К чему сегодня эти пышные фразы... Нет, он не был коренным дальневосточником. Родился в Москве и находился там до начала двадцатых годов. Скупые строки автобиографии Алексея Васильевича вряд ли вместят то горе, которое он пережил совсем еще маленьким мальчиком. Когда его отец, железнодорожник, погиб в катастрофе, мать осталась одна с пятью детьми. Два года страшной нужды, и разум бедной женщины не выдержал. Однажды соседи обнаружили в подвале пятерых ребятишек и сообщили властям. Сестер и братьев разместили по разным приютам, разорвав ниточку, которая соединяла семью. Алеше Шишкину было тогда всего шесть лет.

В революционный семнадцатый год он стал студентом ВХУТЕМАСа — Высших художественно-технических мастерских. Алексей Васильевич брался за любую работу, лишь бы получить образование, но спустя два года неожиданно покинул ВХУТЕМАС. Кто ответит сегодня, в чем причина? В разгорающейся революции или жажде увидеть жизнь, ощутить на себе ее дыхание? Алексей Шишкин служит в Красной Армии, путешествует по Средней Азии, живет в казахских юртах, наблюдает быт кочевников и рисует, рисует, рисует... Может быть, там, в бескрайних степях, наедине с ночным звездным небом, художник ощутил бесконечность в гармонии природы, мира, Вселенной?

Дальний Восток. В архиве Алексея Васильевича сохранился набросок его выступления на радио, где он рассказывал о своих первых впечатлениях о суровом крае: "В мае двадцать четвертого года я подъезжал к Хабаровску. Величавый Амур преградил дорогу поезду. Мост, соединяющий оба берега реки был взорван отступающими белогвардейцами. Пришлось переправляться на пароме. Город не произвел большого впечатления. Узкими настилами и незамощенными улицами он, скорее, походил на растянувшуюся большую деревню. Усугублял это впечатление деревянный вокзал и грязная длинная улица, ведущая в центр города. Но вот город начал строиться, и меня захватила эта кипучая созидательная энергия..."

Когда-то Алексей Шишкин мечтал превратить города Дальнего Востока "в волшебные и увлекательные картины". Он даже написал статью, которая была опубликована в 1939 году в газете "Тихоокеанская звезда". Восторженная тональность романтика, мечтателя, энтузиаста в каждой строке: "Почему бы не сделать фрески или сграффито (способ живописи на стенах домов) на зданиях? Нужно использовать все средства, чтобы превратить наш город в волшебные и увлекательные картины. И тогда мир для нас раскроется в еще более чарующей прелести света, цвета, гармонии..." Любовью художника к своему городу была продиктована серия его графических работ "Старый и новый Хабаровск".

Акварели Алексея Шишкина — особое направление его творчества. Акварельные пейзажи художника еще в те годы называли лучшими на Дальнем Востоке. Сам Алексей Васильевич считал акварель "скрипкой в живописи" и говорил, что этот инструмент в талантливых руках способен передать очень тонкие ощущения и вызвать в душе зрителя волнующие эмоции. В 1945 году в творческой судьбе Шишкина произошло важное событие — персональная выставка в Москве. Тогда ее посетили видные художники и скульпторы страны, а Всесоюзным комитетом по делам искусств были приобретены его пейзажи "Утро на Амуре", "Аллея в парке", "Осень в Хабаровском парке культуры и отдыха", "По реке Анюй", "Жарко". Но не только похвалы раздавались в адрес Алексея Шишкина. Время от времени в той же "Тихоокеанской звезде" выходили статьи, где художника осуждали за "чисто формальные цели в области цвета и света", преследуя которые он "приносит в жертву образ человека", за "безлюдье" его полотен. Но художник Шишкин писал так, как дышал. Оттого его портреты словно высвечены лучами солнца, пейзажные зарисовки дышат волей сопок, рек, заливов. Его работы правдивы, в них — жизнь. Шишкин никогда не рисовал "карамельные" образы рабочих людей, как того требовало время, не украшал картины карамельным глянцем. Он всегда оставался честен и перед героями своих полотен, и перед самим собой.

Алексей Васильевич был человеком скромным, тактичным. Ничего для себя не требовал. Единственная его просьба, с которой он в течение нескольких лет обращался к властям, касалась выделения для него мастерской. Абсурдная ситуация: художник, чье имя знали не только на Дальнем Востоке, но и далеко за его пределами, бился за крохотную комнатушку и создавал большие полотна в единственной комнате своей коммунальной квартиры, где он жил с женой и двумя дочерьми. В 1962 году в письме на имя начальника управления культуры Хабаровского крайисполкома Шишкин пишет о том, что иностранцы, посетившие его выставку, захотели взглянуть на творческую обитель художника. Но как это сделать? Вести их по шаткой лестнице через общую кухню, уставленную кастрюлями и тазами, а потом объяснять, что единственная комната служит одновременно столовой, спальней и мастерской? Алексей Васильевич пишет в письме, что он не захотел показывать иностранцам столь неприглядную картину быта. Ему стыдно. За себя, за свой город, за свою страну.

Спустя год художника не стало. Незадолго до смерти сбылась мечта — ему все-таки дали мастерскую. Но Алексею Васильевичу не пришлось по-настоящему насладиться этим счастьем. Его сердце не выдержало. Смерть художника была символичной — он отправился на этюды и умер на берегу такой прекрасной, такой любимой им реки.

В Дальневосточном художественном музее собрана коллекция работ Алексея Шишкина. Автопортреты, акварель, масляная живопись, графика. Все это хранится в запасниках музея, но когда-нибудь снова придет к зрителю. И тогда в тишине зала придет иное понимание давно ушедших времен. А "скрипка живописи" — акварель напомнит забытые мелодии.

Пастель — техника работы сухими пигментами.
Пыльца пастели очень ранима, как крыло бабочки,
и не терпит неосторожного прикосновения.

Фентисов был единственным мастером пастели на Дальнем Востоке. Официальное искусствоведение склонно рассматривать пастель как одну из графических техник, т.к. выполняется она зачастую на бумаге и картоне. Логика проста: раз основа не холст, значит — графика. Но графичность или живописность того или иного материала во многом обуславливается тем, как конкретный художник его трактует, какие его свойства выявляет. Евгений Михайлович Фентисов был по своей сути живописцем. Его волновала стихия цвета, его эмоциональное воздействие. Он был тонким цветовым композитором, любил сближенные мерцающие тона и неожиданные вспышки возбуждающего яркого цвета. Следовательно, он был живописцем по сути, хотя и работал в редкой в наше время технике пастели.

Евгений Фентисов — композитор цвета

Александр ЛЕПЕТУХИН, художник

В начале своего творчества он экспериментировал в масляной живописи. И лет двадцать не показывал своих работ, т. к. не был ими вполне удовлетворен. Живопись его была темной, многослойной, и несколько "замученной". Ей не хватало свободного дыхания. И вдруг он нашел свою технику, свой материал. Его первые пастели поражали свежестью и энергией. Особенно мне запомнилась работа "У телевизора". На ней была изображена жена художника с сыном. Телевизор освещал таинственным светом лежащие фигуры, придавая им трагическое звучание, работа была полна драматизма и тревоги. До сих пор я словно наяву вижу ее перед собой, такое душевное волнение она вызвала у меня в середине 70-х годов. К сожалению, работа эта не сохранилась. Её побрызгал специальным лаком В. Н. Джунь. Сделал он это с добрым намерением, чтобы в сохранности (без стекла) привезти ее с московской выставки. Работа сразу почернела и потеряла свою бархатную глубину. Сам Джунь ничего не заметил, а Евгений Михайлович очень был расстроен и горько сетовал. Впоследствии он сделал авторское повторение, но той силы воздействия повтор уже не имел. С тех пор Евгений Михайлович никогда не закреплял свои работы, а защищал их только стеклом. Причем он учитывал цвет самого стекла, когда наносил свои краски.

Подсолнухи. (Соб. семьи).

Пастельная живопись Фентисова имеет ряд особенностей и технических секретов.

Во-первых, каждая его работа стремится к цельному цветотональному пятну. У него есть золотистые работы, особо им любимые серебристые работы. Все жизнь он мечтал сделать черную работу. Каждое свое цветовое решение он сложно разрабатывал, нюансировал, но большое цветовое пятно для него было главным. Это то, что мы видим в первую секунду и что нас притягивает или отталкивает от данной картины. Причем общее цветовое пятно (или говоря ина-

Автопортрет. (ДВХМ).

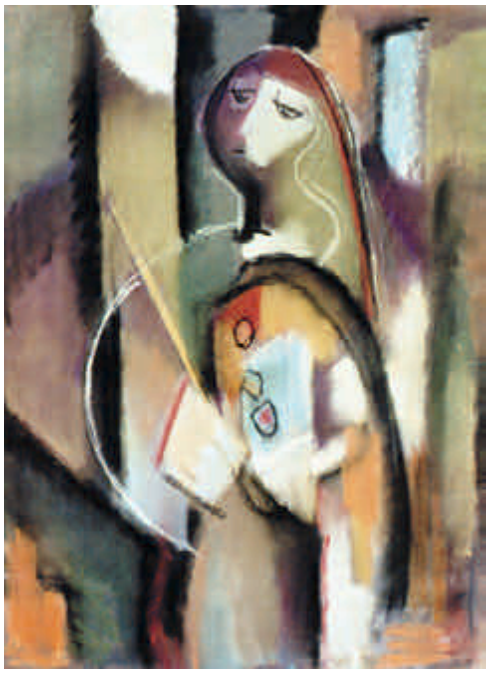
Натюрморт.

Нанаец с трубкой. (ДВХМ).

че — колорит) для Евгения Михайловича было важно не с точки зрения правдоподобия и передачи натуры. В первую очередь его интересовал эмоционально музыкальный ключ к работе. Этим ключом и был цветовой импульс, который он посылал непосредственно в душу зрителя. Импульсы эти не просты, а зачастую даже сложны. Это связано с тем, что художник обращался к тонко чувствующему, интеллигентному, обладающему культурой восприятия зрителю.

Второй особенностью творчества Евгения Михайловича Фентисова было то, что он хорошо чувствовал пространственное положение цветовых пятен в работе. Не все художники знают, что это такое и какие возможности таятся в этом. Если взять и

Воспоминания о Японии. (Соб. семьи).



Художница. (Соб. семьи).

Лесное озеро. (ДВХМ).

плоско закрасить несколько цветовых пятен, то некоторые из них могут казаться выступающими относительно других, другие, напротив, могут "провалиться". На этой особенности нашего мозга (размещать фронтальные пятна цвета в глубину) художник Фентисов и строит свою систему живописи. Причем он не просто располагает "выступающие" теплые и светлые тона на переднем плане. Это было бы для него скучно и схематично. Художник заставляет подсознание зрителя активно работать. Он играет с цветовыми пятнами, создавая зачастую сложные пространственные конструкции. Причем иллюзия глубины при плоскостной трактовке пятен зачастую достигает магической силы воздействия. Научиться этому нельзя. Как и для музыканта, здесь нужен Богом данный особый цветовой "слух".

Третья, важная особенность пастелей Фентисова заключается в том, что они очень свежи и энергичны. Как же мастер достигал такого эффекта? Он был хорошо знаком с современным искусством и видел, что оно стремится сократить дистанцию между зрителем и художником. Одним из приёмов, позволяющих сделать это, как раз и является темп, напор исполнения. Краски накладываются ударом, сильным энергичным жестом, в одно прикосновение. Кажется, что художник только что прикоснулся к работе. Зритель как бы ощущает его незримое присутствие. Вот так, от плеча со всей энергией был сделан главный цветовой удар и никаких поправок! Сейчас в моде салонная "зализанная" манера живописи. Неподготовленному зрителю она ласкает невзыскательный вкус. Но рядом с произведениями Фентисова такие работы кажутся лишенными нерва.

Четвертая особенность творчества Евгения Михайловича Фентисова заключается в том, что лучшие его работы светятся. Они мерцают, не ярко горят, испускают ощутимую энергию. Думается, что всю живопись можно разделить на ту, которая испускает световую

Женщина с вёдрами. (ДВХМ).

Семья. (ДВХМ).

и, следовательно, эмоциональную энергию, и ту, которая её поглощает. Техника пастели может и оказалась близкой художнику из-за уловленной им в ней возможности светиться и мерцать. Как же мастер добивался этого свечения? Он особым образом подготавливал основу (картон). Покрывал его яркими темными гуашевыми красками. Это уже заставляло светиться более светлую пастель. Кроме этого, он старался особым образом смягчать касания пятен, давая им своеобразный ореол. Важным было чувственно-эмоциональное состояние, в котором художник медитировал, подбирая особые светящиеся гармонии цвета. Сама пастель — это по сути цветная пыль, которая обладает замшевой мерцающей поверхностью. Но главный секрет мастер унес с собой. Тайна творчества — это всегда тайна самой творческой уникальной личности.

Несколько слов о том, как работал художник. Удивительно, что легкие, экспрессивные, даже изящные пастели рождались в творческих муках.

НОСТАЛЬГИЯ О ПРОШЛОМ И МЕЧТЫ О БУДУЩЕМ

в полотнах Льва Скобелина

Дмитрий ВАСИЛЬЕВ

Уже не первый год в Арт-подвальчике проходят персональные выставки художника из Подмосковья Льва Скобелина. Последнюю он назвал так: "Выход из круга"

— Мне нравится приезжать сюда и показывать, что я смог сделать за это время, — сказал автор на открытии выставки. — "Выход из круга" — это как бы прорыв в следующее тысячелетие с обновленным багажом знаний и свободным полетом для творчества...

О таких, как Лев Скобелин, принято говорить — человек необычной судьбы. Он учился в Нижегородской студии при художественном музее у своего отца и в классе Ю. Д. Тиукова. Позднее брал уроки у народного художника Алексея Сотникова. Но мечта детства об офицерской службе взяла верх. Впрочем, это неудивительно: его дед, отец были людьми военными. Закончил военной училище и начал военную деятельность с командира взвода. Потом почти три года воевал в Афганистане. Там, в промежутках между боями, брал в руки карандаш, делал зарисовки.

Он всегда любил природу, вглядывался в нее, проникаясь ее мощью, гармонией, красотой. Природа наполняла его вдохновением, возникала непреодолимая потребность рисовать. Увлечение живописью всерьез пришло уже после демобилизации из армии после тяжелого ранения. Несколько лет Лев Скобелин жил и работал в Хабаровске, здесь же пришло признание как художника. И по сей день связи с нашим городом он не утрачивает. В разное время его выставки проходили в Китае, Франции, Польше, Канаде, Японии, а также в Тюмени, Якутске, Нижнем Новгороде. Полотна Скобелина хранятся в Дальневосточном художественном музее, в школах-музеях "Гжель" и "Городецкая роспись", в палатах Митрополита Всея Руси, в галереях Тошиаки Хара, Международной (Токио), Папаса (Портленд), а также в Сеуле, Сан-Франциско, Берлине.

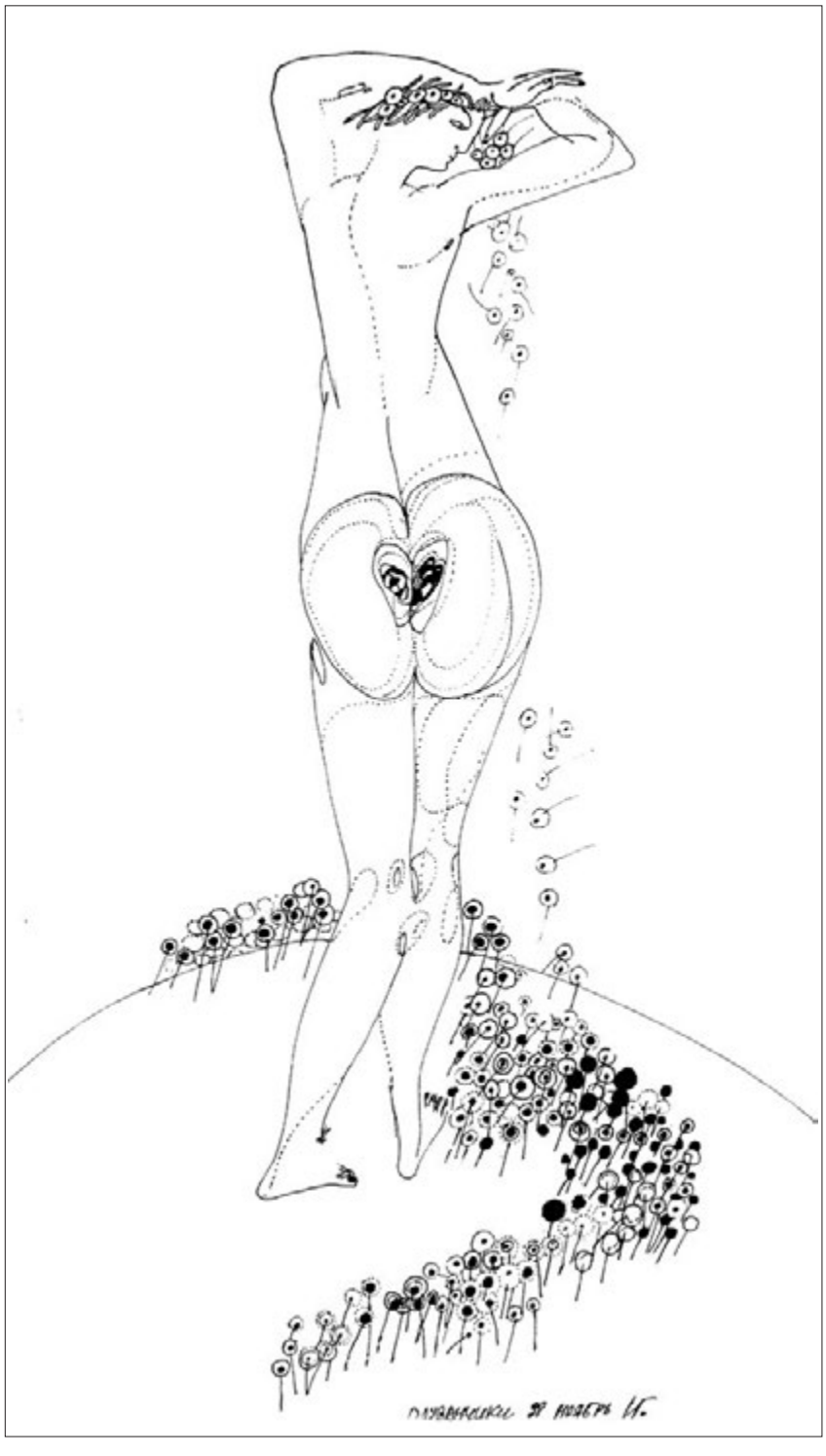
Вот что заметил о творчестве Льва Скобелина профессор, доктор искусствоведения И. Е. Светлов: "Выход из круга" — это мощный рывок автора в следующую эпоху, начало нового, неповторимого, загадочного фейерверка чувств одной картине. Ностальгия о прошлом и мечты о будущем, пессимизм и восторг, отчаяние и надежда, любовь и вера — все переплелось в каждом полотне. Новый творческий взрыв энергии, заставляющей нас поверить в себя, в свои силы и смело идти вслед за мастером..."

ЗЁРНА-ГЛАЗА

на листе откровения Игоря Грабовского

Ольга ПРИВАЛОВА,
научный сотрудник музея изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре

Линия выводит женский обнаженный абрис, прическу-орнамент, опрокидывает фигуру в отражение… Отрыв пера… Рядом по линии симметрии возникают четкие контуры половинок разрезанного яблока с тщательной растушевкой. И это странно: такая натурная передача предмета не характерна для стиля художника Игоря Грабовского.



Он выпускник художественно-графического факультета Хабаровского государственного педагогического университета. Уже несколько лет живет и работает в Комсомольске-на-Амуре. Работы этого художника участвовали в зональной и городских выставках, а персональные проходили в Комсомольском-на-Амуре музее изобразительных искусств и в "Клубе ценителей искусства".

Творчество Игоря Грабовского овеяно таинственным ореолом романтичности, экспрессией цвета, линии, где фигуративность растворяется в пространственной глубине холста, бумаги. И вдруг в графической работе "Рецепт салата из яблок" — контраст стилизованной фигуры и реалистической подачи плода с прорисовкой его середины, семян. Они-то и тревожат смутным напоминанием. Рисунки Игоря Грабовского бесчисленное количество раз пересматриваешь, пытаясь разгадать тайну их притяжения. Графические листы из серий "Райские яблоки", "Лунный разговор" — это причудливый мир поэтической реальности. Он удивляет фантазийностью, безграничным и неоднозначным сюжетным прочтением. Невольно втягиваешься в стихию сочинительства, в вариации смыслов бытия.

На открытии персональной выставки художника тормошили: "Игорь, расскажи, что там, в этих мирах?.." Секрет прост: художник берет перо и по какому-то тайному вдохновению , без отрыва от бумаги, непринужденно создает мелодию природного мира, где человек проявлен как одна из частичек. Наравне с цветком, деревом, полетом бабочки, вздохами невидимых явлений...

Линия-экспромт раздвигает плоскость листа, образуя многослойные пространства. В них есть рассказ об одухотворенной чувственности, изысканные мечты о гармонии проникновения в миры, которые рождаются изнутри и устремляются в пространство вселенских просторов. Игорь Грабовский — очень тонкий лирик. Вопрос только в том, насколько чуток зритель. Когда-то К. Юнг писал: "Мы должны быть способными оставить душевный поток свободным с использованием материала фантазии".

И все же эти странные семена в середине яблока, зерна-глаза... Конечно, глаза, смотрящие со всех графических листов на зрителя, друг на друга, в нечто беспредельное. На рисунке "Рецепт салата из яблок" есть надпись: "Тристан и Изольда. Кельтская история". Так есть ли рецепт для влюбленных? Множество смыслов обретает лист-откровение.

* * *

Я живу в суматохе дорожной,
Но куда меня не занесет -
В голове моей пустопорожней
Подорожник невзрачный цветет.

Пусть гудят многолюдьем скандальным
Перекрестки воздушных дорог -
Зеленеет мой родственник дальний,
Горемычный дорожный цветок...

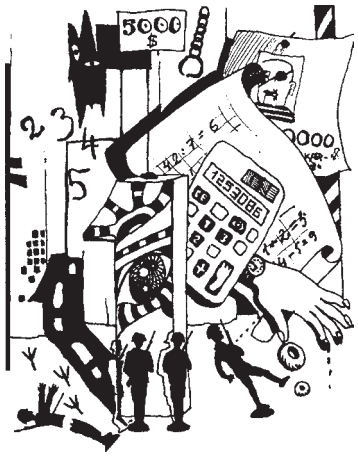
* * *

Шесть цветков - не разделить никак.
Разве я не признаю примет?
Видишь, получается один
неизменно траурный букет.

Взгляд куда ни кинь - везде углы.
Теплый вечер утомленно нем.
Не спеша окутывает сном
душный запах белых хризантем.

* * *

В числах все просто: много и мало.
Цифра, собственно, - символ зала
(театра, суда) на момент аншлага,
Также символ сухого шага
Армии, - символ простых понятий.
Палочки калькулятора пятен
Вынесли много: белых и грязи,
Крови, - на фоне чернильной вязи,
Вытканной где-то
В прошедшем веке.
...Цифра, сводящая чьи-то веки,
Валит рассудок в глубокий сон,
Час отбивая: дин-донн!



* * *

Выцвело небо от зноя и скуки.
Серое марево, белые брюки.

Белые шляпы, белые платья.
Ночи - как сестры, дни - словно братья.

Пыльные улицы, пыльные птицы,
Пыльный асфальт. Загорелые лица.

Редкие звуки тускнеют от пыли.
Честные стрелки как будто застыли.

Вянут цветы в ожидании влаги.
Солнце палит, выцветает бумага.

"Зеленеет мой родственник дальний,

горемычный дорожный цветок..."

Первый сборник стихов Марии Карповой вышел в свет еще в 1995 году. Эта была совместная работа двух талантливых девочек, стипендиаток Хабаровского отделения Российского фонда культуры: стихотворные образы Маши и графика Любы Макогоновой. Причем, оформление сборника "Новые стихи" стало для тогда еще совсем юной художницы первым серьезным опытом в области книжной графики. Маша Карпова в то время принимала участие в передачах молодежной редакции краевого радио, ее голос нередко звучал в эфире. Стихи печатались в журнале "Книжное обозрение", в газете "Молодой дальневосточник". Прошло четыре года. Сегодня Мария Карпова студентка Хабаровского государственного педагогического университета, где она изучает японский язык. Видимо, на этот выбор повлияла ее дружба с Хабаровским фондом культуры и то, что стипендиаты принимают участие во многих его благотворительных программах, одна из которых так и называется — "Содружество культур". Мария Карпова уже пробовала себя как литературный переводчик причем успешно.
Публикуя несколько стихотворений молодой поэтессы, мы уверены, что эти строки лучше всего расскажут о ней.

ГАМЛЕТУ

Тебе, поскольку ничему, что кроме
Тебя. И потому, что нет
Числа тебе в моих мечтах.
Не крови
Пугает чернота, но цвет

Того, что дальше.
И актер промямлит
Слова: не быть.
Вникаю в суть
Вопросов, мой голубоглазый Гамлет,
Твоих. И заклинаю: БУДЬ!

ПОРТНОЙ

Сказанных, спетых
Врозь, невпопад
Ярких лоскутьев -
Слов листопад.

Шьёт одеяло
Из рифм-лоскутков
Портной, собирая
Обрывки веков.

Джо Иллинг, перевод
с английского Марии Карповой.

ТЮЗу

"Помогите, истекаю
клюквенным соком!"

Я прохожу от друзей до друзей,
В пол каблуками стуча.
Здравствуй, мой маленький Колизей
Красного кирпича!

Публика - множество рук и лиц.
Клетчатый арлекин,
Царь суматохи и тьмы кулис,
Занавес отодвинь!

Губы, глаза. И от рампы зной.
Сон? - до чего же глубок.
Я причащаюсь: пейте со мной
Кислый клюквенный сок.

В залах Хабаровского краеведческого музея висят две уникальные, вышитые цветными нитками картины. История их создания необычна и достойна того, чтобы о ней рассказать.

"Хочешь, я выучусь шить,
А может, и вышивать.
Хочешь, я выучусь жить,
И будем жить-поживать".

— спела однажды, словно уже в другой жизни, Новелла Матвеева.

"Хочешь, я выучусь шить..."

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
заведующая отделом этнографии Хабаровского краеведческого музея

Клавдия Павловна Белобородова никого не спрашивала, учиться ей вышивать или нет. Она просто вошла в мир вышивки в пять лет от роду и — на всю жизнь. Именно в этом возрасте она вышила свой первый косой крестик. Что послужило толчком, Клавдия Павловна уже не помнит. Ведь это было так давно... Мама вышивать не умела, может быть, свою волшебную роль сыграли ее рассказы о бабушке — искусной вышивальщице. Первые успехи маленькой Клавочки предназначались куклам, которым она вышивала платья. Постепенно приходило и знание техники вышивания. Пожалуй, не было такого стиля вышивания, который ей был недоступен. И этими знаниями она щедро делилась со своими многими ученицами в тех городах Союза, куда забрасывала ее судьба вместе с мужем — военным строителем.

В Хабаровск К. П. Белобородова приехала в 1953 году. Сюда в очередной раз перевели мужа. И среди их багажа был целый чемодан ниток. Маленькая квартирка в деревянном дом в районе Большого аэродрома сразу наполнилась светом и красотой удивительных картин, штор, модных в то время накидок. С делом и без дела стали заглядывать соседки, жены сослуживцев мужа, чтобы собственными глазами увидеть рукотворную красоту, и пошла гулять молва об искуснице: сначала по военному городку, а потом и по Хабаровску. Клавдию Павловну пригласили на выставку прикладного искусства раз, второй, а потом хабаровский Дом народного творчества попросил ее стать их организатором. Постепенно вокруг К. П. Белобородовой собрались мастерицы иглы и цветных ниток. Так в Хабаровске появился новый кружок, первым пристанищем которого был угол в Доме народного творчества.

Наступил 1957 год. В Хабаровске уже полным ходом шла подготовка к 100-летнему юбилею города. Вот тогда-то и предложила К. П. Белобородова своим коллегам сделать необычный подарок: картины, выполненные не маслом, не карандашом, а цветными нитками гладью. Сюжетом первой стал юбилейный значок, а вот для второй картины Клавдия Павловна выбрала один из проектов памятника Ерофею Хабарову. Знакомые художники увеличили проект до размера панно, а К. П. Белобородова по квадратам перевела его на шелк, предварительно натянутый на подрамник.

Картины были поделены на участки, над каждым из них трудилась отдельная мастерица. Одну картину вышивали сразу 5-6 женщин. Они сидели вокруг шелкового полотна и иголками наносили "мазки" цветных нитей. Вместо палитры у мастериц были подушечки. В них втыкали целую шеренгу иголок с нитками самых разнообразных оттенков.

Роль маэстро в этой творческой мастерской принадлежала Клавдии Павловне. Она подбирала цвет и фактуру нитей, выполняла первые стежки, задавая им направление и характер группирования. Если не могли найти среди них своих запасов и в магазинах нитки необходимого оттенка, то покупали кусок подходящей ткани и распускали ее на волокна. К. П. Белобородова не только руководила всем процессом создания картин. На картине "Ерофей Хабаров на амурском утесе" ею выполнена фигура легендарного землепроходца.

Никогда бы не подумала, что иглой и нитками можно воспроизвести металл, камень, мех. Кафтан Хабарова словно сшит из пронзительно синего плиса, кольчуга отливает холодом металла, курчаво завивается мех накинутой на плечи шубы. Амурские воды разбиваются о могучий утес и усмиряют свой бег, а каменный исполин, хотя и изломан водной стихией, все еще стоит крепко и неприступно. Откуда взялась такая степень реализма? Может быть, определенную роль сыграл тот факт, что картины создавались в историческом месте: летом 1957 года вышивальщицам К. П. Белобородовой был предоставлен павильон шахматистов, который находился рядом с хабаровским утесом в Центральном парке культуры и отдыха. В дождливые дни подрамники с будущими картинами расставляли в самом павильоне — поближе к окнам, а в солнечные — вышивали прямо в парке. Нередко подходили к мастерицам горожане, смотрели, расспрашивали.

К маю 1958 года картины были готовы. К. П. Белобородова вручила их городу от имени хабаровских женщин на торжественном заседании, посвященном 100-летию Хабаровска. После юбилейных торжеств уникальные картины вместе с другими подарками были переданы в Хабаровский краеведческий музей, где их можно увидеть и сегодня.

Из Бурятии с любовью

Принадлежности для курения.

В течение полутора месяцев в Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н. И. Гродекова экспонировалась выставка "Из Бурятии с любовью". Она была подготовлена этнографическим музеем народов Забайкалья (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия) и познакомила посетителей с самобытной и яркой культурой трех народов этой республики — эвенков, русских старообрядцев и, конечно же, бурят.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
заведующая отделом этнографии
Хабаровского краеведческого музея

Эвенки (тунгусы) и буряты с древних времен являются коренным населением Прибайкалья и Забайкалья. Первое письменное упоминание о монголоязычных племенах содержится в "Сокровенном сказании" XIII в. Это хори-туматы, икерссы и булия (буряты). По гипотезе исследователя Г. Н. Румянцева, "эти группы составляли то ядро, вокруг которого происходила консолидация племен, обитавших в бассейнах Ангары и Лены, по восточному побережью Байкала и в низовьях р. Селенги, приведшая к формированию бурятской народности".

Во второй половине XVIII века край осваивают старообрядцы, которых называют здесь семейскими. Они были выселены правительством из западных губерний России и принесли на новую родину свой особый уклад жизни и высокую культуру земледелия. К сожалению, в Хабаровском краеведческом музее не сформировалось коллекции предметов, раскрывающей своеобразную и богатую культуру старообрядческого населения Дальнего Востока России. Тем более было интересно увидеть воочию яркие рубахи, пышные сарафаны, цветастые фартуки, плотно покрытые золотым и серебряным шитьем кокошники и позатыльники, под которыми замужние женщины старообрядцев Забайкалья прятали свои волосы. Особенно поразительными, на мой взгляд, экспонатами этого раздела выставки были янтарные бусы, в народе — янтари, с камнями величиной от голубиного до куриного яйца! Последние назывались фунтовками и занимали центральное положение на нитке. Бусы с фунтовками считались самыми ценными. В праздники женщины носили до 12 нитей янтарей.

Уже после открытия выставки я заглянула в фолиант "Азиатская Россия", изданный в 1914 году, и в разделе "Население" нашла очень интересный очерк о традиционной культуре бурят. Читала, а перед глазами возникали великолепные экспонаты выставки:

"Одежда бурятских мужчин и женщин одинакова. Верхний костюм составляет халат, — летом легкий, бумажный — тырлык, зимой меховой — дэлэ. Рубаху (замша) и штаны (умуду) делают из английской бязи, а более богатые из английских бумажных материй. Женщины особенно любят синий и зеленый цвет. У женского тырлыка на спине бывает много складок, он несколько длиннее мужского. Мужчины

Мужское седло с черпаком, кимичом, надседальными подушками и стременами.

носят короткие волосы. Женщины делают своеобразную прическу, состоящую из двух полукругов волос, склеенных и заплетенных; на эти полукруга нанизывается масса серебряных монет, украшений, кораллов; остальные части кос спускаются на грудь. Таким образом, сзади виден только пробор, вся прическа спереди. Ценность украшений головного убора бывает от 50 до 800 руб. Зимой на голове носят ватные шапки остроконечной формы или с приподнятыми вверх наушниками. Одежду носят очень долго, более ценные тырлыки удерживаются в двух-трех поколениях. Бурятки особенно падки на серебряные и коралловые украшения; иные буквально скапливают годами копейки, чтобы купить себе такое украшение".

Выставка из фондов этнографического музея народов Забайкалья ярко подтвердила слова автора "Азиатской России" о любви бурятских красавиц к серебру и кораллам. Очень трудно описать словами те роскошные вещи, которые когда-то украшали буряток, а теперь стали экспонатами выставки.

Во время работы выставки очень часто звучал вопрос: откуда у народа, кочевавшего в степях центральной части огромного континента, кораллы? Ответ прост. Торговля возникла не сегодня и даже не вчера. Кораллы поступали из Китая через Монголию и выменивались на продукты кочевого хозяйства.

На выставке праздничные бурятские одежды из голубого китайского шелка и темно-синего плиса поразили взор дальневосточников не только кораллами и янтарями, но и великолепными изделиями серебряных дел мастеров. Художественная обработка металла — один из традиционных и наиболее развитых видов бурятского декоративного искусства. Так, непременный атрибут традиционного мужского костюма — нож был превращен руками неизвестного бурятского кузнеца в изысканное украшение. Его рукоять отделана тонкой серебряной вязью. Острый клинок покоился в изящно увитых традиционным орнаментом серебряных ножнах. Здесь же в ожидании обеденного часа "заснули" костяные палочки для еды. С помощью крупных ажурных подвесок бэлэ нож подвешивался на длинном (до 6 м) матерчатом кушаке бэхэ, который плотно обхватывал стан, защищал от холода и в то же время, поддерживая торс, значительно облегчал нахождение бурята в седле. Нож в ножнах носили на правом боку, заложив за пояс. Входя в дом, мужчина опускал ножны на бедро. На левом боку к кушаку прикреплялся другой обязательный атрибут костюма бурята — огниво хэтэ. Оно состояло из кресала — куска, булатной стали изогнутой формы и маленького футляра из юфти с тисненой поверхностью для кремня сахиур и трута уул. Казалось бы, самый утилитарный предмет — кресало, но работа бурятского кузнеца превратила его в истинное произведение искусства. Что тогда говорить о женских украшениях, сочетающих в себе благородство серебра и изысканность кораллов?!

Традиционный женский костюм селенгинских бурят.

Традиционный зимний мужской костюм западных бурят.

Основой хозяйственной деятельности бурят являлось кочевое скотоводство, построенное на круглогодичном пастбищном выпасе скота с особыми правилами перекочевок, выработанными многовековым опытом и учитывающими природно-климатические условия данной местности. Буряты разводили лошадей, коров, овец, верблюдов и коз. Лошади местной породы отличались небольшим ростом, крепостью и выносливостью, могли перевозить от 15 до 25 пудов груза. Лошадь пользовалась большой любовью у бурят, воспевалась ими в песнях и сказаниях. Стрижка гривы и хвостов лошадей составляла особый торжественный обряд. Внешним выражением любви и благодарности человека к этому животному являлось убранство коня. Процесс создания седла подчинялся не только требованиям удобства, но и красоты. Нередко седло декорировалось таким количеством серебра, что даже называлось мунгэн емээл — серебряное седло. Именно таким седлом с многочисленными серебряными накладными орнаментированными пластинами и бронзовыми стременами с сине-голубой эмалью могли любоваться посетители выставки "Из Бурятии с любовью". Оно занимало свое традиционное место в почетной левой половине бурятской юрты.

Да-да, сотрудники этнографического музея народов Забайкалья включили в экспозицию настоящую юрту бурят-кочевников! Она имела традиционную решетчато-войлочную конструкцию и ставилась дверью на юг. Деревянный каркас юрты обтягивали летом одинарным войлоком, зимой — двумя или даже тремя рядами. Складные стены состояли из отдельных решеток. Количество последних зависело от состава семьи. Юрта, украсившая выставку, состояла из 6 стен-решеток, дымового круга тоонто, потолочных жердей и дверной колоды. Решетчатые стены юрты были крепко "стреножены" толстыми мохнатыми веревками из конского волоса. Однако войлоком ее не накрыли, чтобы посетители выставки без помех могли познакомиться с внутренним убранством "обычной бурятской юрты".

В завершении своего рассказа хочу вернуться в день открытия выставки. Тогда мне довелось услышать один короткий, но знаменательный разговор между двумя замечательными представительницами бурятского и нанайского народов. А. С. Киле, преподаватель Хабаровского государственного педагогического университета, спросила Л. Г. Ракшаеву национальное бурятское название экспоната, указав на хорошо знакомый по культуре коренных народов Приамурья скребок для снятия мездры со шкур. "Хэдэргэ", — ответила Лариса Галсановна. "А мой народ называет этот инструмент кэдэрэку", — произнесла А. С. Киле...

Культура каждого народа, населяющего нашу Землю, самобытна и неповторима. Но точки соприкосновения все же существуют, и это подтвердила прекрасная выставка "Из Бурятии с любовью".

Неизвестный Арсеньев

Владимир ВАСИЛИНЕНКО, кинорежиссер

В. К. Арсеньев (1880-е годы, Петербург).

В прошлом веке среди российских помещиков было модно держать управляющих-иностранцев, особенно немцев. В Тверской губернии у одного землевладельца служил управляющим Ф. Гоппмайер. Он был не совсем немец, возможно — голландец, и на русский манер его называли Федором Ивановичем. Каким ветром занесло его в Россию, сказать трудно. Пригласил ли его к себе в имение помещик или Ф. Гоппмайер сам попросился в услужение — история об этом умалчивает. Известно только, что в отличие от своих деятельных и предприимчивых соотечественников Ф. Гоппмайер был человеком весьма легкомысленным и большим сибаритом. Любил лежать на диване и курить трубку с преогромнейшим чубуком. Дела по дому и в имении вела его "гражданская жена" Аграфена Филипповна, весьма решительная и волевая женщина, происходившая из крепостного сословия.

У них родился сын Клавдий, которого по обычаю крестили. Крестный отец — дворовый человек Арсений дал новорожденному свое имя в качестве фамилии. Так появился на свет божий Клавдий Федорович Арсеньев — отец будущего знаменитого путешественника и писателя. Его мать, Аграфена Филипповна, после отмены крепостного права в 1861 году всячески пыталась узаконить свои отношения с фактическим мужем, но в 1966 году Ф. Гоппмайер скончался, а бедной вдове пришлось перебираться в Петербург, искать там "угол" и устраиваться на поденную работу. Она стирала, гладила, убирала. Сын Клавдий был самоучкой, поскольку мать была неграмотной. Он много читал, красиво и грамотно писал, что позволило ему устроиться конторщиком на железную дорогу Петербург — Москва.

А далее произошло удивительное — незаконнорожденный сын иностранного подданного и бывшей крепостной крестьянки упорным трудом выбивается на самый "верх": становится управляющим движением на железной дороге, получает генеральский чин и звание "тайного советника", избирается почетным гражданином Санкт-Петербурга. У него четверо сыновей и пять дочерей, одна из них — приемная. Владимир был вторым ребенком. Всем своим сыновьям Клавдий Федорович непременно хотел дать высшее образование и старался заранее определить их будущую профессию. Владимира он прочил в инженеры-кораблестроители, но жизнь распорядилась по-иному.

После окончания гимназии юноша поступил в пехотное юнкерское училище, по окончании которого получил чин подпрапорщика. Географию в училище преподавал брат знаменитого путешественника М. Грум-Гржимайло. Его красочные и увлекательные рассказы определили судьбу молодого офицера. Он решил стать исследователем новых, малоизвестных земель. Прослужив несколько лет в Польше, входившей тогда в состав Российской Империи, Арсеньев настойчиво просит перевода на Дальний Восток. В мае 1900 года двадцативосьмилетний поручик прибывает в город Владивосток для прохождения службы в 1-м пехотном полку.

Любая служба, в том числе армейская, имеет свою обыденную сторону: нужно заниматься строевой подготовкой, приводить в порядок оружие, обмундирование и т. д. Арсеньев исполняет все безукоризненно и даже находит время для изучения окрестностей Владивостока, совершает короткие вылазки на реки Майхе, Цимухе, Суйфун и другие. Находит там памятники далекого прошлого...

А теперь, думается, пора рассказать об основной профессии Владимира Клавдиевича. Он был офицером-разведчиком, военным топографом и начальником сначала одного, а потом нескольких отрядов, так называемых "охотничьих команд", несших патрульно-пограничную службу по всей территории края. В их состав входили, в основном, казаки. Наша историческая наука, особенно до недавнего прошлого, была большая мастерица по части недомолвок и "фигур умолчания". Худобедно любой из нас знал, что были известные путешественники — Пржевальский, Семенов-Тян-Шаньский, Валиханов и прочие, которые полжизни провели в скитаниях. Но почему они, как правило, носили армейскую форму?

По весьма тривиальной причине — все они были разведчиками. А если у кого-то обнаруживался литературный дар — как у Пржевальского или Арсеньева — то это было сверх программы. Кстати, всему вышесказанному есть и другое объяснение: мог ли обычный, частный человек на свои "кровные" организовать продолжительное путешествие в неведомые края? Едва ли. А если молодой человек горел желанием

посвятить себя географической науке и увековечить свое имя на карте Земли, то для него был единственный и самый короткий путь — армейская разведка. Это тот удачный вариант, когда интересы индивидуума совпадали с интересами государства. Он удовлетворял свои личные амбиции и одновременно вершил геополитику.

Итак, Арсеньев стал офицером-разведчиком. Служил он хорошо и попутно занимался тем, что не входило в круг его обязанностей: проводил археологические раскопки, собирал этнографический материал, составлял ботанические, зоологические, минералогические коллекции. Даже при поверхностном знакомстве с этими трудами поражаешься их объему и энциклопедичности. Ничто не проходило мимо его пристального и безграничного внимания. А работоспособность Владимира Клавдиевича просто фантастична! Только одних коллекций он отправил в Петербургский зоологический музей более сотни экземпляров.

Через восемь лет неустанной и деятельной службы на Дальнем Востоке Арсеньева избирают членом Императорского Русского Географического Общества. Он получает благодарственное письмо министра земледелия "за сведения, полученные в экспедициях 1905 — 1909 гг., которые помогли хозяйственному освоению Уссурийского края". Казалось бы, непосредственное начальство должно было не нарадоваться на сверхработоспособного офицера, но, увы, это не так! Последний дальневосточный губернатор Н. Л. Гондатти не уставал упрекать Владимира Клавдиевича за то, что он пренебрегает своими прямыми обязанностями, а все чего-то "копает" и "пишет". Трудно сказать, что было тому причиной — обыкновенная зависть или сверхбдительность? Дело в том, что политическое положение России в то время разительно переменилось.

Потерпев поражение в войне с Японией, утратив часть островов Курильской гряды и юг Сахалина, Российская Империя ждала дальнейшей экспансии со стороны восточного соседа. Да и отношения с Китаем складывались не лучшим образом. Следовательно, идеальных условий для научных и литературных занятий просто не существовало. Стремительно ухудшалась экономическая и политическая обстановка внутри страны. Началась первая мировая война, вскоре завершившаяся октябрьским переворотом, организованным большевиками. В стране разразилась гражданская война. Дольше всего она продолжалась на Дальнем Востоке, который даже отделился от России, превратившись в "буферную республику".

Как принял революцию В. К. Арсеньев? Поначалу вполне лояльно, не став на сторону "белого движения", хотя был на должности комиссара Временного правительства по инородческим делам. В это время он както плавно переходит с военной службы на гражданскую. Но новая власть не забывает, что свежеиспеченный начальник Камчатской экспедиции, назначенный на эту должность Дальсовнаркомом, — бывший полковник царской армии. Органы ВЧК ведут за ним неусыпную слежку.

В течение нескольких последующих лет он меняет множество мест работы: занимается устройством переселенцев, инспектирует рыбные и пушные промыслы, преподает в университете, заведует Хабаровским краеведческим музеем... И вместе со всем этим выступает с докладами, производит археологические раскопки, совершает экспедиции, работает над книгами... Его первый литературный труд "По Уссурийскому краю" выходит в 1921 году во Владивостоке на средства автора. Второй, ставший в будущем прославленным — "Дерсу Узала", увидел свет в 1923 году и тоже был издан на деньги

Владимира Клавдиевича.

А новая власть не сводит с него недоверчивых глаз. Как бывший царский офицер он должен был ежемесячно являться в спецкомендатуру ОГПУ, где стоял на учете. Более того, Владимир Клавдиевич должен был писать объяснения по всяким поводам. В обществе по изучению Амурского края, членом которого он был, прославленного исследователя постоянно громили с классовых позиций, называли "недобитым полковником", "дворянской белой костью" и т. п. Это его-то, внука бывшей крепостной крестьянки!

И если бы не восторженный отзыв М. Горького, целиком одобрившего роман "Дерсу Узала", литературная судьба Арсеньева стала бы гораздо драматичней. Но высокая оценка великого пролетарского писателя сделала свое дело — недоброжелатели немного притихли.

"Солдатская власть" — по выражению Арсеньева — не признавала никаких полутонов. Она делила всех на "своих" и "чужих" внутри и вне страны. Он был, конечно, "чужой" и поэтому был обречен, если не на уничтожение, то на безысходное одиночество. И это одиночество в последние годы жизни Владимир Клавдиевич ощутил сполна. Несмотря на то, что житейские обстоятельства складывались внешне благополучно — Арсеньев вторично женился на М. Н. Соловьевой, самой красивой женщине Владивостока, и у него, наконец, появился свой дом, родилась дочь. Он жадно и неустанно работал. И так много сделал для отладки нового, некогда разрушенного хозяйства края, что "пролетарская власть" должна была бы это отметить. Но она видела одно — Арсеньев оставался в ее глазах "белой вороной". И поэтому его вновь и вновь вызывали в ГПУ, заставляя писать объяснения. И он их писал. Даже давал обещания, что "твердо решил уйти от всякого общения с местной интеллигенцией". Но власть не устраивало и это — если он не станет ни с кем общаться, то как она узнает, о чем он думает? А для загнанного в угол Арсеньева оставалось одно — уйти с головой в литературные труды. Чему он и собирался посвятить все свободное время.

Хотя легко сказать — свободное! У Владимира Клавдиевича его не было никогда. В начале 1930 года он принял на себя обязанности начальника Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей. Подготовил и отправил девять экспедиционных отрядов. Обобщил материалы, связанные с изучением палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских народов. Выехал в низовья Амура для проверки работы экспедиционных отрядов. Простудился и заболел воспалением легких. Это в августе! Видимо, организм, подорванный нелегкими скитаниями по тайге и продолжительными голодовками, не выдержал.

Умер Владимир Клавдиевич скоропостижно, спустя неделю после возвращения. 4 сентября 1930 года сердце неутомимого исследователя перестало биться. Остались безутешные жена и дочь. И незавершенная работа.

А злой рок, преследовавший в последние годы выдающегося путешественника, продолжал тяготеть над его близкими. В 1938 году была арестована и расстреляна его жена, заключена в тюрьму 17-летняя дочь. Расстрелян старший брат Анатолий, а семья его репрессирована. Но тогдашняя власть, методично и безжалостно душившая любое инакомыслие, так до конца и не смогла замолчать или развенчать имя прославленного исследователя и плоды его трудов. Они говорили сами за себя.

На фото Юрия Дунского — река Анюй. В этих местах со своими экспедициями бывал Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Вообще все могло быть иначе в судьбе Владимира Зыкова. Так интересно поначалу складывалась литературная биография молодого прозаика и таким многообещающим было его дарование, что, казалось, дорога перед ним развернется длинная и все будет впереди — взлеты, раздумья, поиски новых тем... На него возлагали большие надежды.

А жизнь оборвалась. Внезапно.

"Талант надо беречь", — гласит вековая мудрость. Оберегать его от возможных случайностей, хотелось бы добавить. Трагическая смерть Володи Зыкова, так нелепо и неожиданно погибшего во время ледохода на Амуре, велит нам помнить об этом. Лодка наскочила на льдину. Кто знал, что это случится? Конечно, непредсказуем исход рискованных ситуаций, но в них всегда проявляется человек. И то, что до самой последней минуты, пока спасали тонущих, Володя заботился не о себе, было в его характере.

Он родился 17 июня 1941 года в Тюмени.

Теперь, возвращаясь к прошлому и мысленно прослеживая его краткий литературный путь, можно вспомнить, как он впервые появился у нас в редакции журнала "Дальний Восток", совсем еще юный, с застенчивой улыбкой. Волновался, как будто ему предстояло держать экзамен. Глядя на него, трудно было поверить, что он уже отслужил в армии.

Первые литературные опыты Владимира Зыкова носили характер этюдов, портретных зарисовок и не во всем они согласовывались с требованиями жанра, поэтому публиковать их было еще рано. И все-таки по первым этим, еще не совсем удавшимся рассказам складывалось впечатление, что перед нами — человек одаренный. Это лучше всего подтверждал язык его рукописей, образный, местами даже афористичный — в диалогах и описаниях.

Время от времени рассказы Владимира Зыкова печатались в местных газетах, иногда звучали по радио, изредка его имя читатели видели в журнале "Дальний Восток". Лучшие из его произведений были включены в первый и единственный сборник "Костер на снегу", но не все. К сожале-

Владимир ЗЫКОВ

Это о нём в одном из писем Ю. А. Шестаковой Н. П. Задорнов писал:"Я прочитал рассказы Владимира Зыкова и горжусь тем, что познакомился с ним. Это будет большой, настоящий писатель с тонким вкусом к слову. И душа у него светлая".

ЧЕЛОВЕК

Рассказ

Геолог был геологом до мозга костей. Начинал он с кайла, кочевал по разным партиям, был завхозом, прорабом, а сейчас заканчивал заочно институт по личной программе, сократив срок обучение с пяти до четырех лет. Он не любил унывать. Если не удавалось найти олово, то он находил аналогию пород скальных обнажений с лунными образцами. Жалел только об одном — о поверхностности сегодняшней геологии и мечтал о времени, когда геологи будут находить, где надо и что надо на любой глубине и в любом виде.

Геологический молоток он не признавал, считая его забавой девочек из техникума. В правой руке его, словно навсегда прилипла, — кирка с одним отрубленным концом. Называл он свое орудие труда "геологическим комбайном" и, рекламируя его, всерьез обижался на шуточки, без которых, наверное, давно бы завяла безмолвная северная тайга.

Одет он был... Нет, он не был выдуманной особой породой людей, которым "лишь бы тайга". На нем были литые болотные сапоги, которые можно задирать до пояса, а можно, закатав голенища, походить налегке, отличные джинсы, свитер и куртка, не боящаяся ветра, ветвей и сучьев.

На широком офицерском поясе удобно расположились компас, нож и наган — выдают геологам такие штучки изготовления девятнадцатого года для охраны техдокументации. Ствол расшатан, но звук на славу — с троекратным эхом в горах. Носят их больше для шика и поддержки, так, на случай встречи с медведем, которому страшна эта игрушка, как пню, не больше.

Но геолог любил оружие, холил, как он выражался, "сей посох странника века", кобура у него была удобная, самодельная. Из оленьего камуса и закрывала только ствол и барабан, а рукоятка торчала наружу.

Выглядел геолог плотным и легким. Ходил по тайге "как сохатый" — высшая похвала в здешних местах. Ему принадлежал знаменитый рекорд — 90-километровый суточный переход по тайге. Погода, день и ночь не имели для него значения. Он был пружинкой своего дела. Здоровой пружинкой. Когда однажды в полночь при нем повторили знаменитую фразу: "Завтрак съешь сам, обедом поделись с другом, а ужин отдай врагу", он парировал без запинки: "Я твой враг", — и характерно лязгнул челюстями.

В этот день он встал рано. Вместе с первыми лучами солнца, пробующими приподнять и рассеять туман в лощинках и над руслами речек. Попил чаю. И с места скорым шагом, поправляя в руке свой "комбайн", пошел по тропе на дальний участок, надеясь вернуться к вечеру.

На базе остался досматривать свои сны один завхоз. Это был высокий жилистый мужик. Про таких в старину говорили, что они мнут пятки, гнут подковы и ударом кулака убивают лошадь. Но завхоз не мог совершить ничего подобного. Он был робок, потому что постоянно боялся разоблачения. Нет, он не был вором. По крайней мере, осмысленно он ничего себе не присвоил. Он просто ничего не понимал в своем деле. Он не знал, кто его разоблачит — ревизия или ребята из отрядов, но каждый миг трусил, и во всем происходящем он видел только дурные или добрые предзнаменования. А мысль о том, что рано или поздно разоблачения не миновать, лишала его всех сил.

И во сне его разоблачали. Лишь под утро он ото всех отговаривался, и ему начинали сниться те места под солнцем, в которых хотелось жить, как все люди, с семьей и не работать завхозом.

Выстрел разбудил его. Он автоматически начал считать: два, три, четыре... семь. Весь барабан. "Наверное, геолог по рябчикам садит", — успокоил он себя, переворачиваясь на другой бок и пытаясь поймать ускользающее соблазнительное видение семейного стола. Но выстрелы были не похожи на обычные. Он не мог понять почему, но не похожи. Тревожно не похожи. И от этого становилось неприятно и страшно одному в тайге. Он сел в кровати, снял со стены карабин, вставил в него обойму, передвинул затвор. Затем встал и медленно, стараясь тянуть время и не отходя от карабина, оделся. Положил во все карманы по обойме и вышел. Собачки на базе были совсем молоденькими, обе без кличек, просто "шавки". Выстрелы были дальние, но долина хорошо донесла звуки. Собачки, ничего не унюхав, смотрели в ту сторону и крутили хвостиками. Завхоз посмотрел на них и вспомнил, что забыл папиросы. Когда он вернулся, собачки уже резвились. Он покурил, изредка подзадоривая их носком сапога, и решил, что сегодня самое время навести порядок в складе и разобраться с документами. Он сел на крылечко, положив карабин поперек колен, и принялся думать, с чего бы ему начать.

...Необычной в выстрелах была неровность: отсутствие свиста пуль и эха. Значит, стрельбу вели в упор. Но завхоз привык к страхам, не хотел и не мог об этом думать.

Тем временем километрах в восьми от базы геолог медленно приходил в сознание. Огромная, грязная и лохматая, как вывороченный пень, медведица лежала на нем. В пасти ее видна была захваченная судорогой смерти рукоятка нагана. Кровь из дыр на медведице текла на землю и человека. Если бы медведь нападал, как рысь или волк — вгрызаясь пастью, человеку бы не сдобровать. Но медведь — гурман. Он орудует лапами: выбивает оружие, а потом приготавливает, мнет жертву.

Кирка отлетела сразу, и повезло: удар пришелся не по руке. От первого удачного выстрела в живот медведица взвыла, ошалела и пошла, сминая кусты, кругом. Человек стрелял непрерывно, стараясь парализовать движения зверя, попасть в сердце или в лопатку бессильными против двухсоткилограммовой туши не скоростными пульками. Медведица потеряла равновесие, упала на четыре лапы. Теперь пули шлепали о череп. Зверь схватил человека за левую ногу, рванул ее на себя, поднимаясь и занося лапу над головой, стремясь сгрести и смять... Уже на лету (а стоя он не достал бы) человек поймал момент и, вставив в алчную ревущую пасть наган, нажал на спуск.

При падении его отбросило вправо, и только левая сторона была придавлена тушей. Рука была под передними лапами. Он высвободил ее легко. Сильная боль была вдоль левой половины груди. В тайге ему доводилось делать перевязки, и, вслушиваясь в боль, он решил: ближе к подмышкам ребра скорей всего только треснули с внешней стороны, а ниже изломаны — растянули и сдавили нервы. Ничего страшного, если рана неоткрытая. Он был весь в крови и не знал, чья это кровь. От мысли, что через рану в него попадает кровь медведицы, он покрылся мгновенно крупным потом. Перевел взгляд — увидел мутные близорукие глаза и гнилозубую влажную пасть и впервые во всей своей ужасной простоте увидел то, что его ожидало...

Его стошнило — немного чая (пополам с желчью) вылилось на траву. Он полежал, глядя в небо и стараясь дышать так, чтобы не потревожить боль.

— Завхоз не тот номер, — проговорил он. — В любом деле он человек случайный.

Полежав, он поискал рукой над головой, нашел ствол, деревца, обхватил его обеими руками. Перекинул правую ногу и, согнув ее в колене, крепко уперся в тушу медведицы. Так, рывками подтягиваясь и отталкиваясь ногой, он, стиснув зубы и закрыв глаза, выдирал свое тело из-под медведицы. Минут через пять он сел. По ту сторону туши остался только сапог. Он -улыбнулся, подумав об этом. Задрал свитер: сплошная синюшная одутловатость — от подмышки до пояса. Боль при любом движении отдавала в руку, в ключицу и даже в голову. Он попробовал встать — кости были целы, но опереться на ногу было нельзя — она переламывалась от боли в колене. "Растянул все связки", — подумал он и на одной ноге попрыгал к сапогу.

Потом, морщась от боли, он допрыгал до ручья и разделся. Все тело от падения было покрыто синяками и ссадинами. Ножом он разрезал рубашку на полосы и, связав их плотно, виток к витку перебинтовал грудь и сел в ледяную воду. Холод нужен сейчас, сразу, когда его тело — сплошной кровоподтек. И сидел, пока не смыл кровь со всей одежды, выжимая ее над головой, и бросал здоровой рукой на берег.

А через час он, присев на медведицу, курил сигарету. Таким я его и вижу: в глубине тайги, гордого и спокойного. И дым от сигареты вместе с туманом поднимается к вершинам. До базы восемь километров, до отряда — десять. На связь можно выйти только вечером, Вертолет, значит, будет в лучшем случае завтра. Мясо завхоз все равно не сможет забрать, а ребятам пригодится. Он встает, находят в кустах свой "комбайн", раздирает им медвежью пасть. Вытирает наган о шкуру. И вновь прихрамывая, но споро выходит на тропу.

нию, часть рукописей не удалось разыскать. Почти все, что принадлежит перу Владимира Зыкова, связано с темой Севера. Он хорошо знал северную тайгу с ее особыми условиями быта и подвижничеством тех, кто осваивал неизведанные просторы.

Владимиру Зыкову претило мужество напоказ, он и в литературе не выносил показной рисовки, его коробила всякая подделка под геройство, изображение этаких "своих парней", которым тайга нипочем и медведь — свой брат... Его геолог из рассказа "Человек" не был "выдуманной, особой породой людей", как порой их рисуют писатели, мало знающие тайгу; зыковский герой имел опыт искателя-ходока и был "пружинкой своего дела", то есть знал, что тайга в любой момент может проверить, на что ты способен, и потому готовность встретиться с опасностью была для него естественной.

Повестью "При свете дня" Владимир Зыков сделал шаг вперед как художник, исследователь человеческих характеров. Здесь он бросает вызов бездуховности, мещанству и снова утверждает честь и достоинство трудового человека, красоту и силу его души.

Учась в Литературном институте, Зыков подготовил большую статью полемического характера по поводу одной дискуссии. У него был дар критика. Внимательно следил он за нашим журналом "Дальний Восток", не скупился на добрые слова по адресу талантливо написанных произведений, но если ему что-то не нравилось, он не скрывал этого. Дано ему было многое. Просто он не успел сделать все, что мог. Он был только в начале пути.

Юлия ШЕСТАКОВА.

Встречи с Джунем, хранящие тайны

Александр ЛЕПЕТУХИН, художник

Собственно, это и все. Весь разговор. Но откуда это потрясение? Откуда эта память на долгие годы. Очевидно, есть встречи-символы, которые несут в себе много такого, что в словах не выскажешь. Интересно, если взглянуть на это сегодняшними глазами, то Виктору Джуню тогда было лет 25. Он только закончил худграф, как художник ничего, очевидно, не успел сделать. Отчего же такое потрясение? А вот случилось. Мы получили благословение через него. Сдали экзамены, поступили, отучились, стали художниками. И мы в ту секунду чувствовали глубокий подтекст этого на первый взгляд пустякового разговора. Каждый разговор с человеком важен, и все мы ПОСЛАННИКИ. Поэтому встреча с человеком — самое интересное в жизни.

В нашем общежитии был подвал, в котором размещалась скульптурная мастерская. Старинные китайские резные кресла, нивхские и нанайские деревянные боги на стенах, набор трубок и первоклассный инструмент для работы с деревом. Работ самого Джуня было немного. Осталось впечатление, что ему очень близок был художник Эрзя. Виктору Николаевичу нравилось, что старое узловатое дерево полно напряженного драматизма. Его узлы и слои струились, и нужно было только помочь ему обрести образ-лик, а остальное уже готово. Было что-то магическое в этом сотворчестве с деревом. Но Виктор Николаевич, сдается мне, больше всего любил общаться с людьми. Калейдоскоп гостей, подруг, учеников не давал ему необходимого для работы уединения. В мастерской царил богемный дух. Здесь был воздух свободы и роскошь человеческого общения. Я оказался вместе с Валерой Сахатовым, Вадимом Федоровым, Сережей Золоторевым и Ромой Цимбалой в этой орбите. Впрочем, самым близким из нас Джуню был Игорь Захаров. Фигура настолько известная, что о нем следует сказать особо.

Рис. А. Лепетухина.

Когда мы с Валерой Сахатовым приехали поступать учиться в Хабаровск, а было это в 1967 году, то первое время ходили по улицам вместе, делились впечатлениями. Потрясало всё. Трамваи, толпы раскованных красавиц, большие дома, фонтаны и розы на площади... Но самым большим потрясением этих дней была встреча с настоящим художником. Им был Виктор Николаевич Джунь. Он шел к нам навстречу по площади Ленина! Высокий, в джинсах, ковбойке, с бородой и трубкой. Пронырливый Сахатов уже его знал. Поздоровались. "Ну что же, поступайте, поступайте, ребята, — сказал нам мэтр. — Дело это хорошее". Мы смотрели на него преданно, а он улыбался нам.

Мы ходили в подвал рисовать обнаженную натуру. Прямо с первого курса. Прекрасные девушки конца 60-х годов — где вы? Быстро крутится жизненное колесо. Красавицы появляются и исчезают так быстро, что не успеваешь налюбоваться. Поэтому их надо рисовать. Есть надежда, что на рисунках они сохранятся, как засушенные цветы, на долгие столетия. Грустное бессмертие.

К тому времени я уже стал левым экстремистом. Энергия и энтузиазм находили выход в агрессивных формах и цвете. Помню, как мы пыхтели, как сопели и вздыхали. Какие были усилия, чтобы запечатлеть свое состояние по поводу натуры. Джунь рисовал с нами, но где-то сзади и я ни разу не видел его рисунки. Он убирал их с ловкостью фокусника. Очевидно, рисунки были хорошие. Скульпторы вообще лучшие рисовальщики в мире, ведь они знают форму на ощупь, они не скользят по ней вместе с солнечным светом. Как-то я накрасил девушку грубой кистью, черной и красной краской, и она обиделась. Подошла к Виктору Николаевичу, накинув на обнаженные плечи халатик, и тихонечко пожаловалась на меня. "Ничего,— сказал Виктор Николаевич, — не бери в голову, пусть работает". Вообще-то он не учил и не приставал абсолютно. Просто запускал нас в подвал и разрешал рисовать. Уж такой он был демократ. А учились мы друг у друга и от самой атмосферы свободы, которая окружала этого человека. Скольким людям он отдал свое время, скольких выслушал, скольким дал место в своей душе. До сих пор эхо тех встреч звучит в душах многих людей. Скажи им "Джунь" — и человек улыбнется. Какая-то ниточка тянется из тех лет в наши сердца, и не дает её напряжение провиснуть душе в сегодняшних, совсем других временах.

А последняя встреча была очень печальной. Виктор только что прилетел из Москвы, где отдыхал. Он рассказывал, какие там были коньяки, какие девушки и какие песни, а сам корчился от боли. Он вынашивал свою болезнь тайком от врачей, ускоряя свой конец. Он не собирался умирать. Завез огромные бревна, чтобы сделать свои лучшие скульптуры. Он говорил, что дерево хорошее и он наконец-то возьмется за работу. Вот только здоровье что-то... Собственно, этот разговор тоже был символичным. Происходил он на людях, шла защита его дипломников. Но вокруг нас возникло какое-то поле тишины — и мы разговаривали вдвоем. Он жаловался на ужасную несправедливость судьбы, а я каким то шестым чувством знал, что дело страшно плохо. И в то же время Виктор говорил о вине, женщинах и песнях. Собственно, это было его последнее появление в институте.

Прошло с тех пор много лет. Но ничего не прошло. Эти две встречи вырваны из контекста жизни. Они хранят какую-то тайну. И кажется, поймешь её, соединишь, и смысл собственной жизни приобретет другое измерение.

ЭКСЛИБРИСЫ НИКОЛАЯ ХОЛОДКА

Валентина КАТЕРИНИЧ,
кандидат филологических наук

Странное дело: книга в эпоху информатики отодвигается на задний план, читатели превращаются в зрителей и слушателей, но интерес к экслибрису в 90-е годы уходящего столетия значительно вырос. Быть может, потому что он — связующее звено между визуальными и буквенными образами? Экслибрис как бы обрел самостоятельную художественную ценность — не столько как знак владения книгой, сколько как популярный жанр малой графики. Можно судить об этом хотя бы по тому количеству дипломов и каталогов международных конкурсов, в которых участвовал хабаровский художник Николай Холодок.

Николай Холодок больше известен в Хабаровске как оформитель книг. Из последних — "Вспомним, товарищ" (Рассказы о войне в Афганистане, 1999), и его участие здесь не случайно. Биография его складывалась параллельно под знаками Марса и Аполлона, теперь он полковник запаса и член Союза художников. Его интерес к экслибрису бескорыстен и сродни любви к чистому искусству. Ведь это жанр,

требующий от художника максимума выразительных средств при минимуме пространства и технических возможностей. По самой своей природе экслибрис связан с человеческой индивидуальностью, с ее трудовым опытом и предпочтениями в сфере пре-

красного. Художник безошибочно выбирает мотивы, культурные символы, создает сюжетную композицию, соединяющую местное и вселенское, сиюминутное и вечное.

Не только столицы, но и заштатные городки разных стран проводят конкурсы малой графики и экслибриса. Кому, к примеру, ведомы итальянский городок Брунико или румынский Клуж?

Особенно интересным был 1996 год. Французский город

Мец, родина Поля Верлена, объявил международный конкурс к 100-летию со дня смерти поэта, и этот конкурс имел неожиданный успех. Когда-то В. Маяковский написал в стихотворении "Верлен и Сезанн": "Лет сорок вы тянете свой абсент из тысячи репродукций". На этот раз пришло около тысячи экслибрисов из 39 стран. Среди отобранных в экспозицию и работа Н. Холодка "Ex libris В. В. Переславцева". Его сюжет навеян морским пейзажем Верлена: "Океан сурово бьет морской волной".

Весной того же года в Париже прошел международный конкурс экслибриса. Три работы нашего земляка были включены в экспозицию. Это гравюры: "Из книг В. Г. Стариковой", "Из книг Катеринич В. Н.", "Ex libris Чашкиной Н"...

Удивительный конкурс малой графики, "Биеннале XVIII", провел недавно бельгийский город

Син-Никлаас. Тема — сказки. Отклик Николая Холодка — "Ex libris С. Глебовой", навеянный "Синей Птицей" Метерлинка. Николай Холодок получил диплом польского города Гливице, фонда "Тжедака" из Буэнос-Айреса, представлен в каталогах литовских и многих других выставок.

БАБУРОВ
Владимир Филиппович,
член союза художников России.

Родился в 1946 году в городе Кирове Калужской области.
На Дальнем Востоке — с 1953 года.
"Маленький провинциальный городок Вяземский, где прошли школьные годы, оказался благоприятным для меня как личности. Иначе, чем художником, я не мыслил себя уже с пятого класса..."
В 1968 году Владимир Бабуров закончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Потом здесь же преподавал скульптуру и рисунок. Свой профессиональный уровень повышал в Московском высшем художественно-промышленном училище (б. Строгановское) и в Московском государственном архитектурном институте. Преподавал на архитектурном факультете Хабаровского государственного политехнического института, возглавлял кафедру изобразительного искусства.
Участник многих выставок: Всероссийская выставка, посвященная юбилею Победы (1985 год), первая Всесоюзная выставка эмалей (г. Рига), выставки эмалей в Санкт-Петербурге, Москве, групповая выставка хабаровских художников в Италии. Работая в разных направлениях (эмали, скульптура, ювелирные изделия), Владимир Бабуров убежден, что настоящий художник должен проявлять себя во всех сферах творчества.
Владимир Бабуров — автор шести осуществленных памятников в Хабаровском крае, среди которых памятник, установленный в устье реки Ульи, посвященный первым русским, вышедшим к берегам Тихого океана, памятник в честь 30-летия Победы, расположенный в Хабаровске возле государственного технического университета, памятник односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (село Могилевка, район им. Лазо), памятник выпускникам школы, павшим смертью храбрых в годы войны (г. Вяземский). Последняя работа скульптора — памятник писателю Н.П. Задорнову (г. Хабаровск).

"Над океаном" (горячие эмали)

"Монада" (горячие эмали)

Ювелирный комплект
(мельхиор, пробка)

Обелиск в честь 30-летия Победы.
(Хабаровск)

"Архитекторы"
(скульптура, дерево)